

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 43

1983

Николай ФЕДОРЕНКО

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

МОРСКИЕ ЗАПИСИ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 43

Николай ФЕДОРЕНКО

МОРСКИЕ ЗАПИСИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

Николай ФЕДОРЕНКО

Николай Трофимович Федоренко родился в 1912 году в г. Пятигорске. Советский литератор, филолог-востоковед, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР, почетный академик Флорентийской Академии искусств, почетный член Института Китаеведения в Токио.

Долгие годы находился на дипломатической работе: дипломатическая служба в Китае (1940—1952), заместитель министра иностранных дел СССР (1955—1958), посол СССР в Японии (1958—1962), представитель СССР в ООН и Совете Безопасности (1963—1968). Имеет ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР. В настоящее время — секретарь правления Союза писателей СССР, главный редактор журнала «Иностранная литература».

Автор книг: «Очерки современной китайской литературы» (1953), «Китайские записи» (1955), «Китайская литература. Очерки по истории китайской литературы» (1956), «Шицзин» и его место в китайской литературе» (1958), «Земля и легенды Китая» (1961), «Краски времени. Черты японского искусства» (1972), «Дипломатические записи» (1972), «Японские записи» (1974), «Проблемы исследования китайской литературы» (1974), «Меткость слова (Афористика как жанр словесного искусства)» (1975), «Древние памятники китайской литературы» (1978), «Кавабата Ясунари» (1978), «Диалог в Каракасе» (1979), «Литературные записи» (1980) и многих других работ (всего свыше 170), посвященных истории культуры Китая и Японии, общетеоретическим вопросам литературы и искусства.

МОРСКИЕ ЗАПИСИ

Морские пути, неизведанные дали, маршруты людских контактов... От века моря омывают и соединяют собою большие и малые острова — обитель человечества. Первоисточником самой жизни, «биопоэзом» называл Бертран Рассел Мировой океан, в котором некогда сгустилась живая материя, — загадка мироздания, тысячелетиями бьющаяся над собственной разгадкой...

Месяц благосклонно взирал на одесский порт со своей немислимой высоты, когда наш теплоход «Белоруссия», степенно покидая родные причалы, выходил в открытое море, ложился на курс. Медленно таяли россыпи береговых огней, не оставляя ничего, кроме тьмы, бездонности водной стихии под нами и необозримости миров над нами.

Непреходяще колдовское обаяние морской стихии... Дыхание, аромат морских странствий всю жизнь не отпускают нас от себя. Мы едим, летаем, торопимся, мчимся, устаем от вечного движения, планета стремительно сокращается в размерах... Но вот под ногами упруго и мерно покачивается палуба — и все отступает куда-то перед упоением новой встречи с неизбывно влекущими океанскими далями...

И вновь разматывает воображение нескончаемую ленту морской экзотики: бородастые викинги на кораблях-драккарах; паруса каравелл Колумба; узкие лодки из папируса, пробирающиеся с континента на континент; трюмы судов, груженные диковинными раковинами, пряностями, причудливыми фигурками, ритуальными масками...

Шторм, бегущие к горизонту вспененные валы, пираты, морские чудовища, сладкоголосые коварные сирены — какие только опасности не подстерегают морехода, но кто стремится жемчуг отыскать, тот моря не страшится... Неутолима высочайшая из страстей человеческих — страсть к преодолению, к познанию, вечен зов к соприкосновению с неизведанным.

Издrevле и до наших дней мореплаватели привозят из далеких стран и бесценные грузы, которым не нужны трюмы, — память об увиденном, рассказы о жизни других людей, непривычные напевы, вкус и запах незнакомой пищи... Морская стихия, разъединяя,

соединяет, ибо одна на нашей планете вода и единым воздухом мы дышим...

Марко Поло, Афанасий Никитин, Васко да Гама, Магеллан, Миклухо-Маклай, капитан Кук... «Изгнанники, бродяги и поэты», кому тесны были их пределы, кого обстоятельства и воля гнали в незнаемое, волнующее, новое. Но разве неведомо и нам сжигавшее их души стремление к странствиям?

Своеволие морской стихии словно само располагает автора к свободному течению мысли, свежие впечатления сплетающей с воспоминаниями, смещающей границы времен, далекое сближая с нынешним, собственное, свое позволяя увидеть в его единстве со всем, что существует на земле...

Следы бывших цивилизаций, руины некогда величественных городов — кого не заставляют они размышлять над судьбами народов, их породивших, испытывать волнение перед ликом Истории?!

Путешествие по чужой земле и чужому времени — это всегда и путешествие в биографию своей страны, в ее минувшее и в современность. Кажется, другая земля — и все та же, одна Земля. Родной край — понятие не только естественно-географическое, но и философское...

XX век дал нам возможность кочевать по миру с ошеломляющими скоростями, неслышанно увеличил вместимость наших жизней. Так отчего же, открыв «Песни мотора» Николы Вапцарова, вздрагиваешь от радостного узнавания его томительной тяги к морю, дальним странам и народам?

Ты помнишь ли то море,
и машины, и трюмы,
что наполнил липкий мрак?
И дикую тоску по Филиппинам,
по звездам, что горят над Фамагустой?
...А там, высоко в небе, в час заката
опять дрожали крылья белых чаек,
и небо было светом вновь объято,
и голубела даль морская...

Стозвездность неба, и необъятность моря, и человек, готовый соразмерить себя со стихиями...

Теплоход «Белоруссия» следовал графику средиземноморского маршрута, а мысль текла своим путем, пренебрегая ограничениями и времени и пространства.

Весь мир в моем представлении делится на места, в которых случалось побывать, и на те, о которых только мечтал и мыслями

стремился облететь. Земля Эллады, не знаю почему, издавна привлекала меня, и я с особенным волнением ожидал с ней встречи.

Воды Эгейского моря несут на себе наш корабль — воды, издревле изборожденные греческими мореплавателями. Как возникла тяга человека к морю, как привязало его море к себе и как постепенно постигал человек смысл своего влечения к водным просторам?

Вначале простой источник существования, из которого человек мог извлекать моллюсков, добывать рыбу, потом первые, робкие попытки прибрежного, каботажного плавания, торговый обмен, позднее — дальние плавания, открытие новых берегов, островов, континентов, контакт с иными цивилизациями... Так пролагались в далекие от нас времена морские дороги между островами людей, так сопрягало море народы в единое человечество.

Все проходит, и все остается,
но наша судьба — пройти.
Пройти, пути пролагая,
пролагая по морю пути,

— так писал испанский поэт Антонио Мачадо...

Древние греки были в числе первых, кто торил дорогу к новым землям по необозримым морским просторам, кто устанавливал связи с другими народами, заимствуя их достижения, отдавая им свои, расширяя горизонты своего мира. Вся летопись Эллады — достоверное тому свидетельство.

И далекое прошлое и современность предлагают неоспоримые доказательства того, что даже высокоразвитые цивилизации несли урон от долгой обособленности, когда они не имели или не стремились иметь постоянных взаимосвязей с внешним миром, когда море переставало служить естественным связующим элементом, соединяющим народы и их культуры.

В древности китайские суда доплывали до африканских берегов. Китай обогатил человечество многими великими открытиями. И разве не прискорбно, что бессмертные песни китайского народа, собранные в «Книге поэзии», оказались отгороженными от остального мира Великой китайской стеной, возведенной владыками Китая, замкнувшимися в герметической, «совершенной», «срединной империи», как они величали страну? Разве не прискорбно, что бессмертное это творение поэтического гения стало известным в Европе лишь спустя две с лишним тысячи лет после его рождения на китайских берегах? И не только «Книга поэзии», и не только в минувшие тысячелетия, — и в последующие, более близкие нам времена самоизоляции великоханьских богдыханов пагубно сказывалась на развитии духовного общения китайцев с культурами других народов. Между тем общение Китая с индийской культурой и цивилизациями Средней Азии было обоюдно полезным.

Иной выглядит картина, когда обращаемся мы к тем древним цивилизациям, которые не замыкались в себе и не только делились человеческими ценностями с другими, но и, в свою очередь, постигали образ жизни и культуры иных народов во благо усовершенствования своего существования, обогащения своего духовного мира.

На бесчисленных примерах истории Запада и Востока можно проследить связи между ними, особенно наглядные в таких давно обжитых человеком районах, как Средиземноморье. Морские пути содействовали распространению греческой культуры и в Малой Азии, и в странах восточного Средиземноморья, и в Крыму; повсюду эллинское влияние вступало в сложные реакции взаимодействия с местными культурами; всеизвестны, например, роль, которую сыграла Милетская школа философов и эстетиков — древнейшая материалистическая философская школа Греции — и ее влияние на дальнейшее развитие материалистического мировосприятия.

Эллинизм стал первым в известной нам истории проявлением синтеза культур Запада и Востока. Эсхил символически рисовал Европу и Азию в виде родных сестер, которые хоть и ссорятся подчас, но никогда не могут забыть о своем единокровии.

Уровень цивилизованности, помимо всего, можно определить способностью и умением обращаться с другими людьми, согражданами и иностранцами, ощутить далекое как близкое, как непривычную форму общечеловеческих ценностей. Не потому ли путешествия принадлежат к числу самых увлекательных и плодотворных путей познания? Путешествия — несравненный университет.

Примечательно, что древние культуры развивались в прибрежных, приморских регионах ранее и быстрее по сравнению с глубинными землями. Соприкосновение с иностранными цивилизациями ускоряло расцвет национальных культур. Разумеется, обитатели прибрежных районов не ставили перед собой осознанную цель — распространять свою культуру. Они прежде всего боролись за средства существования, утверждали себя на родных берегах, расширяя вместе с тем связи с другими.

Вспомним, что первоначально именно вдоль побережья Средиземного моря, в которое из Черного моря вошло наше судно, возникла узкая культурная полоса, ответвлявшаяся во внутреннюю часть материка — до Атлантического побережья Испании, Франции и Англии. Впоследствии именно эта полоса превратилась в огромный культурный регион Западной Европы.

Людские поселения, подобно человеку, приобретают с годами свой лик, своеобычность, характер. Встречаются города, чье прошлое словно олицетворяет поступь веков — историю племен, народов, государств. Знаменует пути, проложенные бесчисленными поколения-

ми, чередой шествующими в будущее. Таков Пирей, одно из древнейших поселений, расположенное на северо-восточном побережье Саронического залива Эгейского моря.

Когда судно наше причалило к пристани крупного греческого порта Пирей, невозможно было одолеть волнение: миг встречи с берегами античной Эллады, прославленной в истории человеческой мысли! На этой земле в далекие от нас дни развивались события беспримерной исторической значимости для судеб греческого народа, о которых поведали нам «Илиада» и «Одиссея».

Море образует здесь как бы три гавани, самой природой расчлененные так, что их удобно запереть от врага и охранить Афины. Фемистокл, который начал строительство укреплений, делал расчет на фортификационные возможности Пирейской гавани. После его изгнания защитные сооружения Пирея были соединены с Афинами знаменитыми «длинными стенами», упоминания о которых мы находим у многих античных авторов. «Длинные стены» простояли до 404 года. Историки любят писать: «Грозный завоеватель пришел и разорил...» и т. д. Не чересчур ли просто? Глядя на Пирей, я думал о долгой и трудной судьбе города, который в иные периоды истории казался вечным и непобедимым, в другие — уничтоженным навек... Но Пирей раз за разом возрождался, сказочным Фениксом восставая из пепла и руин.

...Во второй половине XV века этот город постигла нелегкая участь многих греческих городов — он пришел в запустение и обнищал под турецким игом. Но снова, когда в прошлом веке Греция добилась свободы от османского порабощения, возродился, обстроился, стал крупным морским портом и индустриальным центром.

Есть города, куда и в первый раз являешься, будто они давным-давно тебе знакомы, идешь по их улицам, ожидая увидеть хорошо известные дворцы или парки, и, заглянув за угол, понимаешь, что не обманулся. Таков и Пирей. Фантазия на каждом шагу здесь оживляет минувшее, а жизнь причудливо соединяет его с нынешним. Театр, выстроенный Периклом, служивший в его времена и местом собраний для жителей Пирея... Судилище, воздвигнутое тоже Периклом, — память подсказывает: не было кары в Элладе страшней, чем изгнание, чем отторжение преступника от земли, на которой родился он. Осужденный, он уже не имел права ступить на землю отцов и должен был выслушать приговор, стоя в лодке...

А вот длинные ряды лавок менял заставляют предположить, что шум и гомон вокруг них продолжают со дней Фемистокла, да так и не затихли!

Если взглянуть на Пирей с афинского Акрополя, вокруг которого сегодня, как и две с половиной тысячи лет назад, блещут красотой Афины, то порт видится каменной громадой, врубающейся в движение волн. Пестрая мозаика домов обнимает возвышенность, и замыслова-

тый лабиринт улочек и улиц опускается до самых морских причалов. Кажется, будто века истории Пирея уложены в гигантские ступени, ведущие от моря к вершине холма.

Есть совершенно особое очарование в городах, которые стихийно застраивались на протяжении тысячелетий и где несочетаемые, казались бы, элементы образуют неожиданный гармонiu.

Сегодня набережная Пирея — нескончаемый ряд вывесок судовладельческих компаний, банков, туристических агентств. И бесконечных магазинов, торгующих греческими сувенирами, разными безделушками. А совсем рядом в тихой бухте лениво покачиваются белоснежные яхты и скоростные катера, стиль и комфортабельность которых не вызывают сомнений в элитарной их принадлежности. Похоже, что хозяева их пользуются всеми благами земного бытия...

Судьбе оказалось угодно, чтобы в пору, когда наша «Белоруссия» приближалась к Пирейскому порту, из Греции был отправлен эстафетой в Москву олимпийский огонь. Поистине символический момент для пребывания на берегах Эллады, в городе, связанном с именем и деятельностью Перикла! Мысль невольно обращается к древности — удивительной эпохе человеческой истории, эпохе расцвета античной демократии, гуманистические идеалы которой воплотились в Олимпийских играх.

Человек как «мера всех вещей», человек, прекрасный и душой и телом, — есть ли что-либо выше этого идеала? Вспомним, как говорили о невежде эллины: ни читать, ни плавать не умеет. Вспомним, что к участию в Олимпийских играх допускались лишь те атлеты, чья жизнь считалась безупречной. По Олимпийским играм велось летоисчисление, войны прекращались, чтобы могла торжествовать красота молодости, силы и ловкости. Правда, с упадком античной демократии Игры стали вырождаться в жестокое зрелище, а в 394 году н. э. император Феодосий, в соответствии с христианским догматом о несовершенстве человека и грешности его плоти, объявил Игры «варварскими» и до основания разрушил великолепные спортивные сооружения и храмы, где освящались олимпийские состязания. Долгими столетиями потом река Алфей и поток Времени размывали благословенную землю, где некогда венками из лавра, изобильно растущего по склонам гор, увенчивали победы прекраснейших и сильнейших...

Прошли века, и гуманистические идеи Олимпийских игр возродились как символ необходимости международного сотрудничества, как средство нравственного, умственного, физического, эстетического совершенствования человека XX века. На наших глазах спорт обретает значение символа объединения народов, обещаая стать в грядущем единственной — добавлю: и прекраснейшей — формой соперничества между ними. Позволю себе привести весьма красноречивые данные: по подсчетам социологов, зрителями крупных

спортивных соревнований оказываются одновременно около двух миллиардов человек, иными словами, чуть ли не половина человечества, отождествляя себя с атлетами, охвачена единым порывом соперничества с теми, кто проверяет на себе пределы человеческих возможностей.

И вот теперь, в наши дни, когда история, казалось бы, давно погребла под своими обломками память о бесславных гонителях Олимпийских игр, вновь возникший Феодосий возникает в облике президента Соединенных Штатов, вознамерившегося погасить олимпийский огонь в Москве. Поистине, кто не знает прошлого, рискует повторить его ошибки!

Уместно напомнить и слова древнегреческого поэта Пиндара: «Даже глупцам легко потрясти государство, но трудно восстановить его без помощи богов».

Остается надеяться, что настанет час, когда боги — или История — восполнят урон, наносимый народам иными правительствами!

Сейчас, когда ложатся на бумагу эти строки, уже все знают, каким оглушительным провалом окончились все тщания бойкотировать Московскую Олимпиаду, все попытки повернуть вспять течение реки времени, подорвать идеи международного олимпизма.

Первая Олимпиада, проведенная в социалистической стране, воплотившей на деле мечты Пьера де Кубертена о массовом спорте, стала ярчайшим праздником Человека, важной вехой в превращении олимпийского движения в подлинно глобальный феномен, о чем так убедительно свидетельствуют хотя бы блестящие достижения атлетов Черной Африки. А ведь в совсем недавнем прошлом африканские спортсмены были вынуждены добавлять свои рекорды к славе чуждых знамен!

Как прекрасен мог бы быть мир, не будь в нем сил, стремящихся свернуть контакты, уничтожить само стремление людей к сотрудничеству и взаимопониманию...

...На улицах Пирея множество газетных киосков, буквально заваленных журналами, книгами карманного формата, газетами на разных языках. Они привлекают яркостью красок, глянец обложек, броскостью заглавий, обнаженностью женских тел.

— Нет ли у вас советских изданий? — поинтересовался я у пожилого человека, дремавшего за прилавком.

— Советских? — переспросил киоскер.

— Да, на русском языке...

— Нет, не бывает.

— А может быть, в других киосках, поблизости?

— Ни поблизости, ни во всем нашем районе, насколько я знаю.

— А в книжных магазинах?

— Там можно встретить кое-что на русском... только это не ваши издания, — уточнил собеседник.

— Не московские?

— Нет, нет... Это, кажется, эмигрантская литература.

Трудно, конечно, обобщать. Возможно, случай этот, хотя и симптоматичный, но не самый показательный. Многие еще впереди. Отнесемся к перспективе с надеждой, пусть и без особых иллюзий.

В Пирее, как и в Афинах, на улицах и в кафе непрерывно разливается музыка, особенно запоминается характерное звучание струн базуки, древнего народного инструмента. Музыка сопровождает вас повсюду во всем огромном приморском регионе, охватывающем Грецию, Италию, Болгарию, Испанию. Полагают вообще, что жители прибрежных земель особо одарены музыкально.

Вспоминаю Новый Орлеан, раскинувшийся на берегу Миссисипи. Концертный зал «Презервейшн холл» в центре старого города, где сохраняются традиции негритянской народной музыки. Здесь все, как было в старину, много лет назад. Никаких украшений. Никаких новшеств. Одна старина — все, как было в период зарождения нью-орлеанских мелодий. Нет здесь обычных для американских концертных залов буфетов с закусками и напитками. В «Презервейшн холл» угощают только музыкой...

Но вот приходит час отплытия от берегов Эллады. «Белоруссия» держит курс на Неаполь, мы плывем к гаваням другой античной цивилизации Средиземноморья. А в памяти возникают строки чеканных гекзаметров — их ритм словно вобрал в себя биение морских волн:

Феб златокудрый забросил свой щит
златокованный за море,
И растекалась на мраморе алым
румянцем заря...

В строго размеренные ритмы укладывалась и жизнь в нашем временном плавучем доме.

НТР освободила человека для странствий, и человечество, тронувшись в путь, придало некую карнавальность облику транспортных средств, равно как и портам, аэропортам, вокзалам. В самом деле, разве не празднично, не карнавально выглядит стройная африканка в ярком и пышном головном уборе, оживленно болтающая с корректным японцем, одетым в самый наивропейский костюм? И неподдалеку рослая пара, явно скандинавского происхождения, вздумала нарядиться в индейские пончо и подвязать светлые волосы кожаными ремешками. Француженка, с истинной грацией выступающая в расшитой украинской кофте, тоненькая индианка в линялых джинсах с кастовым знаком на лбу, итальянец в узбекской тубетейке, разноплеменная группа студенческого вида в одинаковых спортивных куртках, с которых вопит призыв: «Поцелуй меня!»

Наш корабль не исключение, но вдобавок к карнавальному шествию пассажиров иной раз команда организует и специальные развлечения. Экипаж «Белоруссии» решил устроить театрализованное представление для пассажиров — пиратский бал. Ресторан заполнился совсем уж необычными посетителями — детьми Флинта, авантюристами, искателями приключений, мечтающими об островах сокровищ.

Словом, обстановка, когда в самую пору прислушаться, а не закричит ли вдруг попугай: «Пиастры, пиастры!» Впрочем, если б и закричал попугай, боюсь, его едва ли кто услышал бы в грохоте музыки, во взрывах смеха, в общем веселье, от которого трудно было остаться в стороне.

Молодежь — и не только она — самозабвенно разыгрывала грозных морских волков, и мысль моя вновь обращалась к притягательной силе морской романтики, которая, с детства захватив наши сердца, более не покидает их... И о другом думалось среди непринужденного веселья и остроумных выдумок команды «Белоруссии», охотно подхватываемых пассажирами, — о настоящем пиратстве, отнюдь не овеванном исторической дымкой, о пиратстве сегодняшнем, разнузданном и кровавом, где выкрик «пиастры!» отчетливо слышен в велеречивых рассуждениях самозванных вершителей высшей справедливости, взрывающих бомбы на переполненных вокзалах, угоняющих самолеты, очищающих банковские сейфы. Но тема эта, пожалуй, слишком серьезна, чтобы обсуждать ее на карнавале. Тем более что повод вернуться к ней в контексте более подходящем, увя, представится: волею судеб беззаботный наш маскарад на борту «Белоруссии» оказался прелюдией доподлинного зрелища пиратства, с настоящим грабежом, которое ожидало нас в Неаполе. (Пока остается разве что поблагодарить экипаж «Белоруссии», столь предусмотрительно подготовивший нас психологически ко встрече с пиратами на суше.)

...Завораживающая красота Неаполитанского залива. Недаром влек к себе иноземных путников этот город, вызывал такой большой интерес и к минувшим дням и к современности. Думаю, заблуждаются те, кто находит некую слащавость в итальянских прибрежных ландшафтах. Лично меня встречи с этими берегами неизменно склоняют к мыслям о претворении в искусство гармонии природных линий, красок, звуков. Не музыка ли Средиземного моря воплотилась в прославленную неаполитанскую оперную школу, не она ли вызвала к жизни упительные мелодии Скарлатти, не она ли сделала Неаполь «поющим городом»? Да и вообще, не зря же явилась на свет поговорка: «Увидеть Неаполь, потом умереть».

За долгие века существования, от скромного греческого поселения Наполис и до наших дней, Неаполь накопил немало сокровищ, которые неодолимо влекут к себе толпы туристов. Национальный музей заслуженно гордится экспонатами, добытыми из-под пепла

Геркуланума и Помпеи, строгие своды церкви Санта-Мария Инкороната укрывают чудесные фрески школы великого Джотто. Сколь контрастен переход из церковной приглушенности цветов и звуков в ослепительный солнечный свет людной улицы, в визг автомобильных тормозов, в темпераментную жизнь современного южного города под италийскими небесами...

Новая встреча с Италией, страной, где чуть не ко всему хочется добавить эпитет «классический»... Правда, позволительно при этом задать вопрос: «классический» в сопоставлении с чем? Средиземное море, срединное море культурных взаимовлияний, с наглядностью убеждает нас: в историко-культурном процессе главенствует не момент зарождения новых цивилизаций за счет гибели предшествующих, а преемственность, которая сохраняется, пусть даже иной раз не в очевидной форме. Уместно напомнить слова из письма А. Эйнштейна М. Борну: «Наверное, самое прекрасное, что есть в жизни, это раскрывать для всеобщего обозрения невидимые связи».

Связь между Западом и Востоком... Одним из первых блистательных воплощений ее была эллинская культура, Византия, объединившая в себе западно-восточную духовность; эллинизированные народы Сирии, Палестины и Египта и их соприкосновение с арабами, с миром ислама, которому суждено было впоследствии стать хранителем античности для лучших умов эпохи Ренессанса...

Ранее других европейских стран Италия установила оживленную морскую связь с Левантом, и с того великого часа, когда, по определению Ф. Энгельса, там взошла заря современного мира, земля эта выдвинула на мировую арену людей поистине грандиозных. Я продолжаю цитировать Ф. Энгельса:

«Эпоха Ренессанса, начавшаяся со второй половины XV столетия, явилась величайшим прогрессивным переворотом из всех, пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености».

И первой среди гигантов Ренессанса выситя колоссальная фигура Данте, «последнего поэта средневековья и в то же время первого поэта нового времени».

Рассказывают, что как-то на улице его узнали в лицо две дамы.

— Это Данте Алигьери? — спросила одна. — Тот, кто спускается в ад, а потом возвращается и описывает, кого он там видел?

— Это он, — подтвердила вторая. — Поэтому его волосы закурчавились от адского огня, а кожа потемнела от копоти.

Данте был первым из своих современников, кто не боялся проникать в суть самых крайних проявлений человеческой души, спускаясь в ад страстей (на самом дне его пытали предателей) и воспаряя к раю любви и нежности.

Ренессанс — это проявление индивидуальности, утверждение не-популярности и самоценности человека, протест против порабощения личности догматами религии.

Катерина Сенская говорила: «Бог противоположен миру и мир противоположен богу». Но творцы эпохи Ренессанса пером, резцом и кистью, жизнями своими доказывали: Человек — венец творения, и его возможности грандиозны. Художники и мыслители Ренессанса брали в учителя природу и античное искусство: ими владело неистовство страсти к познанию, и ни одна другая эпоха не видела столь разносторонне и щедро одаренных людей.

Познать глубину и суть предметов и явлений, не довольствуясь простым их наблюдением, — таков был девиз людей Ренессанса. Леонардо да Винчи писал в «Трактате о живописи»: «Живописец, бессмысленно срисовывающий, руководствуясь практикой и суждением глаза, подобен зеркалу, которое подражает в себе всем противоположенным ему предметам, не обладая знанием их».

Мадонны Леонардо становились прекрасными земными женщинами, озаренными счастьем материнства. Он был математиком, механиком, строителем и мыслителем. Скульптором, художником, мыслителем, поэтом был бессмертный Микеланджело. Никколо Макиавелли был государственным деятелем, историком, поэтом и первым военным писателем нового времени. А. С. Пушкин называл Макиавелли великим знатоком природы человеческой.

Один из самых высоких взлетов человеческого гения ознаменовал собой великий Микеланджело. С его именем связано создание Флорентийской Академии искусств — одной из самых древних в мире.

Не так уж много на свете академий, которые, просуществовав века, сохранили бы живой дух своих создателей. Полагаю, что к их числу можно отнести и Флорентийскую — не случайно же сегодня ее членами состоят такие выдающиеся современные художники и скульпторы, как Ренато Гуттузо и Джакомо Манцу. И не случайно в академии находится шедевр Микеланджело — вечно юный Давид.

По сей день сохранилась эмблема Академии искусств, созданная Микеланджело, — три взаимно соединенных кольца: скульптура, живопись, поэзия. Именно то, что выражало гений самого Микеланджело, для которого три этих вида искусства были нерасторжимым единством.

Глубина поэтической мысли, внутренний трагизм, вера в высокое предназначение человека и осознание одиночества художника в обществе своекорыстия и зла — таковы отличительные черты могучего искусства великого гуманиста. Недаром Микеланджело сказал о себе: не родился еще человек, который, подобно мне, был столь склонен любить людей.

Человек для Микеланджело — центр вселенной. Человеческая бренность — и вечность вселенной... Вечность времени... Человек — и таинство движения времени... В человеке, в развитии его духа он видел высшее и наиболее совершенное воплощение природы. Творения и взгляды Микеланджело явились выражением гуманистического мировосприятия, восторжествовавшего в эпоху Возрождения, открывшего новую эру в истории культуры...

И в наши дни, когда научно-технический прогресс, все убыстряя развитие коммуникаций, приближает народы друг к другу, морские пути общения продолжают сохранять свою особую привлекательность.

И вот перед глазами снова — который уже раз на моем веку! — распахнулась неповторимая панорама чужого города, избравшего своей эмблемой изящную красную лилию и оставляющего в сердце неизгладимые впечатления... Флоренция живет собственной жизнью, казалось, лишь она одна живет извечными законами, удивительной своей судьбой.

...Жемчужина Тосканы — прекрасная Флоренция, город драматической и яркой судьбы. Город великого духа, раскрытия человеческих дарований, обитель художественных дерзаний. Город великих традиций, которые не просто уважались гражданами страны, но служили предметом их гордости и восхищения. Город, в котором многое можно узнать о человеческом благородстве, хотя, увы, не меньше и о человеческом коварстве.

Когда своими глазами видишь краски, свет и тени Тосканы, по-новому воспринимаешь неумирающее искусство Возрождения, особенно живопись и скульптуру. Флоренция, ее памятники архитектуры и искусства буквально обрушивают на вас шквал образов невиданной силы, укрепляющих веру в жизнь, в вечную благодать света и воздуха, в безмерность возможностей человека.

Не об этом ли думал Байрон, когда писал свои горькие и вдохновенные строки:

В обители священной Санта Кроче
Есть прах: бессмертье в нем воплощено,
И все святое им освящено,
Хотя он сам — частица славы бреной,
Что впала в хаос. Там лежат давно
Альфьери и Андже́ло; дивной цели
Достигший Галилей, кому дано
Страдание в удел; Макиавелли
Вернулся в землю там, где встал из колыбели.
Подобные стихиям четверем
Здесь новый мир — Италию создали
Те гении.

Человек, которого теперь возвысили не античные боги, а титаны Ренессанса, снова взошел на пьедестал почета в этом новом мире. Подобно тому, как Коперник поставил Солнце в центр нашей системы мироздания, так гуманисты провозгласили Человека центром всего сущего.

Эпоха великих морских открытий, философски-художественные открытия Ренессанса раздвинули горизонт культурной ойкумены, послужили могучим стимулом для развития связей между Западом и Востоком.

Как никогда дотоле, стали необходимы человечеству морские пути, все более обретавшие качества кровеносных артерий, питающих человеческий разум, обнаруженное одним помогающих сделать достоянием многих.

Как никогда прежде, стало человечество сознавать единство материального и духовного прогресса и ценить многообразие его форм.

По слову В. И. Ленина: «Разные нации идут одинаковой исторической дорогой, но в высшей степени разнообразными зигзагами и тропинками...»

...С Флоренцией мы расстались после вечерней трапезы в маленькой трапезной, насладившись знаменитым итальянским прошьюто, оливками, прославленными сырами, гарганзолы и пармиджано, и, конечно же, классическим кьянти — вином, веселящим душу и молодящим тело, божественным даром неиссякаемо щедрой Тосканы.

Из Флоренции вновь к побережью. К подножию Везувия. В живописность неаполитанских улочек, которые нет-нет, да и застают путешественника почувствовать себя героем неореалистического итальянского фильма.

У входа одной из меняльных контор, в которую мне пришлось зайти, на мотоцикле сидел молодой, крепкого сложения парень, очень зорко наблюдавший за каждым посетителем.

Я поинтересовался у менялы, не гангстер ли этот мотоциклетный всадник.

— Нет, нет, — ответил хозяин. — Это мой компаньон — служба безопасности...

— У вас собственная служба безопасности? — спросил я.

— Приходится, знаете, ли, самим себя оберегать... Город у нас своеобразный, несколько неспокойный...

Трудно было понять что-либо из его ответа.

— Неаполь? — вырвалось у меня недоуменно.

— Да, Неаполь, как и Милан, вслед за Нью-Йорком, Чикаго — это все города, где сегодня правят гангстеры, кланы и роды мафии... Мало доброго обещала эта характеристика.

Подтверждение она получила и в пору нашего пребывания в Неаполе. Пока мы в солнечный июльский день предавались эстетическим радостям, осматривая древний собор, где, казалось, воздух застоялся с незапамятных времен, вполне современный неаполитанский вор, выследив жертву, сорвал с шеи какой-то иностранки золотую цепочку и на глазах у целой толпы итальянцев побежал в ближайший переулок. Женщина закричала, ее муж бросился догонять грабителя. Никто, увы, не поспешил на помощь, никто не попытался задержать вора, ни один человек не проявил участия к жертве грабежа. Не шевельнулись и полицейские, стоявшие неподалеку и как бы не заметившие происшествия...

Вскоре муж возвратился ни с чем и стал рассказывать, что преступник не один, что в переулке его поджидали сообщники, так что преследовать вора дальше было небезопасно. Обратились к полицейским, которые по-прежнему стояли, как изваяния. Блюстители порядка довольно холодно заявили, что за всем не уследишь и что их главная обязанность «поддержание общественного порядка»...

— Разве грабжь средь бела дня не нарушение этого порядка?! — возмущенно спрашивали пострадавшие.

— А что, собственно, с вами стряслось: вас ранили, избили, нанесли телесные увечья? — Участие полицейских ограничилось этими ответными вопросами.

Тем временем толпа очевидцев оживилась. Заспорили между собой, очень темпераментно, во всех подробностях стали изображать в лицах ограбление. Выразительно показывали друг другу, как преступник срывал цепочку, как это не удавалось ему сделать с первого раза, как он толкнул женщину и со всей силой рванул цепочку, как побежал...

Все это было похоже на дурной сон после чтения романа ужасов.

— Телесные травмы, следы насилия имеются? — допрашивал пострадавших полицейский.

Не скрою, мы все растерялись от непредвиденного поворота событий, и эта наша растерянность явно укрепляла в блюстителях порядка ощущение собственной правоты. Я бы добавил, и безнаказанности.

— Не понимаю, что вы требуете, — негодовал полицейский. — Вещественные доказательства можете предъявить? Нет?

— Вещественные доказательства? — громко прозвучал возмущенный голос из толпы. — Они в руках преступника, которого вы должны были задержать, а не делать вид, будто ничего не замечаете!

Как это нередко бывает в подобных ситуациях, голос разума отрезвил толпу, которая сгрудилась вокруг полицейских и требовала от них действия. Она была столь экспрессивна, что казалось, будто кто-то из мужчин готов с кулаками наброситься на стражей закона.

— Паспорт, удостоверение, документы не похищены, остались при вас? — Полицейский обнаружил почти суеверное почтение к бумаге. В противном случае пришлось бы составлять акт или протокол... Возмущение толпы нарастало.

— Да что же это такое! Кражи, ограбления без конца, чуть ли не каждую секунду! Угоняют автомобили, грабят магазины и квартиры, похищают детей... Пишешь заявление в полицию, а вам показывают целый фолиант протоколов тяжелых преступлений, ваш случай оказывается просто заурядным.

Ни намек на возмущение или сочувствие в голосе полицейского. Внутри у него было пусто. Чудес в мире не бывает. Из ничего и получается ничто. Глядя на этих блюстителей законности, убеждаешься, что нечистая сила действительно существует, потому что у нее есть ангелы-хранители. Подтвердилась правдивость слов менялы: перед нами возник еще один лик нынешнего западного уклада жизни.

Я возвращался на корабль под тягостным впечатлением разгравшейся перед глазами уличной сцены.

На борту «Белоруссии», просматривая свежие газеты и журналы, не мог не обратить внимание на крикливые заголовки статей, с энтузиазмом расписывавших демократические порядки, свободу, права человека: неограниченные возможности личности и прочие красоты западного образа жизни. И тут же потоки «высоконравственного» гнева по поводу «нарушений свободы» и «прав человека» в коммунистическом мире, конечно. Что и говорить, «свободная» пресса, где информация за деньги продается и покупается целыми тоннами. На страницах журналов демонстрировались изысканные наряды, просторно располагалась скандальная светская хроника, расписывались пикантные приключения кинозвезд, завистливо смаковались всевозможные истории, героям которых удалось разбогатеть и стать миллионерами, — неважно, каким способом. Пресловутый «вещизм», размалеванный и глянцевоый. Потребительство одновременно сытое и ненасытное. Агрессивное потребительство.

Должно быть, неприятный осадок от дневного происшествия заставил с особым вниманием прочитать заметку во французском «Пуэн», тем более, что касалась она неаполитанских дел.

Вот что в ней содержалось:

« — Я уборщик, скорей откройте дверь!

С этими словами постучались в дверь номера 22 неаполитанской гостиницы «Рекс». Было два часа тридцать минут ночи. Проживавший в номере Пабло Талиавини, 62 лет, отпер дверь, и в комнату ворвались двое неизвестных в масках, с автоматическими пистолетами в руках.

— Ни звука! — предупредили они. — Деньги, часы, кольца — на стол. Вывернуть карманы!

Напуганный Талиавини безмолвно повиновался. Забрав ценности, преступники связали его, заткнули кляпом рот и заперли за собой дверь.

Не нарушая ночного покоя, неаполитанские бандиты грабили обитателей гостиницы. Их сообщники тем временем караулили в холле связанного портье.

Систематическое ограбление гостиниц — новейшее изобретение богатого воображения неаполитанского вора. Воры опробовали свой метод в одной из гостиниц Санта-Лючии, центрального района города, где нашли идеальные условия для ночной работы».

Может быть, нравы неаполитанских грабителей и не заслуживали бы столь подробного воспроизведения, если бы взаимоотношения «полицейских и воров» не становились частью все более сложных и тяжелых проблем Италии сегодняшнего дня.

Инфляция и обгоняющая ее безработица; свертывание промышленного производства, закрытие все большего числа предприятий и широкое применение «лаворо negro» — труда, не ограниченного никакими законодательными нормами; вопиющая диспропорция в развитии индустриального Севера и аграрного Юга; деградация государственного аппарата — перечень язв современной капиталистической Италии можно продолжить.

И все же наибольшее внимание обращает на себя новейший феномен политической жизни — эскалация деятельности террористов, которая и в нынешнем историческом контексте предстает как экстремальное выражение левацкого оппортунизма, точно охарактеризованного ленинским определением «мелкобуржуазный революционизм».

Молодежь не желает мириться ни с эксплуатацией, ни с кровавыми авантюрами империализма, первой жертвой которых она неизбежно становится. Но если рабочая и пролетарская часть ее избирает путь организованных действий, вливается в передовые профсоюзы, тяготеет к коммунистическим и рабочим партиям, то мелкобуржуазные группировки, состоящие, как правило, из образованной и обеспеченной молодежи, обращаются к опасным, жестоким играм в революцию, возводимую в некий абсолют.

Май 1968 года во Франции наглядно показал, какого накала достигло недовольство буржуазным образом жизни, накопившееся в молодежной среде. Но события того времени показали и другое — теоретическую неподготовленность и политическую незрелость части молодежи, которую при умелом использовании можно превратить в орудие борьбы против демократических социальных преобразований в мире.

У террористической организации под названием «Бригата росса» — БР, получившей столь зловещую известность, не было, как известно, недостатка в советчиках, да и в помощниках, как тайных, так и явных.

Из США пачками доставляют бандероли с печатными руководствами: «Тактика партизанской войны в больших городах».

Заигрывают с молодыми террористами и стареющие интеллектуалы, которые больше всего боятся отстать от политической моды и прослыть ретроградами.

Один из известных итальянских кинорежиссеров преподносит террористам размашистую выкладку — индугенцию, заключенную лозунгом «Плевать на этику!»

Террористы действуют. Мыслят за них другие умы, весьма искусственные и многоопытные. БР заявляет, что бригадисты принимают на вооружение метод систематического распространения паники, а «от паники — через хаос, к разрушению». Разрабатываются и конкретизируются методики:

«Стрелять надо по ногам — чтобы люди хромали, как власть».

«Убивай одного, воспитывай сотню».

«Полицейский — просто мишень для стрельбы».

«Смерть — поистине пикантная приправа к жизни».

Если бы не последующие сообщения средств информации, могло бы почудиться, будто читаешь скверный роман ужасов. Но это страшная правда, это просто выдержки из инструкций «городских партизан» — «экспериментаторов революции», как они кощунственно себя провозглашают.

И один из результатов — в политической истории Италии последних лет вряд ли произошло событие, которое наглядней убедило бы мир в прямой связи левацкого терроризма, со стратегией чернейшей реакции, чем похищение и убийство Альдо Моро.

Подробности этого чудовищного гиньоля достаточно хорошо известны, и нет нужды останавливаться на них.

Дело в ином. Альдо Моро был убит БР как раз тогда, когда благодаря твердости позиции Моро руководство ХДП, послушавшись предупреждений из-за океана о нежелательности участия ИКП в управлении Италией, впервые за три десятка лет все-таки согласилось на образование парламентского большинства с участием коммунистов.

Альдо Моро писал своей семье:

«Меня скоро убьют... повторяю, я никогда никого не оправдаю и не прощу... Пусть не думает ХДП, что она решила свои проблемы, уничтожила Моро. Я всегда буду жить в ней, напоминая о необходимости сопоставления мнений и поиска альтернативы...»

В Италии гремят выстрелы. Стреляют и левые и правые экстремисты, стреляют и специально подготовленные полицейские команды. Да не покажется это никому парадоксом: все выстрелы направлены в одну цель — в силы, борющиеся за прогресс, за демократические социальные преобразования.

Гремят выстрелы и рвутся бомбы отнюдь не в одной Италии. Политические причины терроризма могут окрашиваться в национальные цвета. Преступления экстремистов в ФРГ, в Испании, «охота на людей» во Франции, угоны самолетов, вооруженный шантаж всех видов, — а сколько их известно истории! — все это, вместе взятое, все более походит на необъявленную войну со значительными жертвами среди мирного населения.

Очевиден и главный прицел — против демократии, против реальных сил, отстаивающих истинные права человека.

Не случайно все громче слышны требования обратиться к первопричинам брожения молодежи капиталистических стран, в силу которых она делается столь соблазнительным объектом для манипуляторов сознанием, — к самой системе капитализма. Все чаще стали задаваться вопросом о том, кто снабжает террористов оружием, деньгами, информацией, фальшивыми документами, как удается им совершать невероятные по дерзости побеги из тюрем, известных строгостью режима.

Когда стало долее невозможно прятать от глаз мировой общественности существование «мозгового центра» международного терроризма, Вашингтон швырнул мировой общественности версию, перед невероятностью которой дрогнули даже выдавшие виды антикоммунисты, — «рука Москвы!» Ну что тут остается прибавить? Кому не ведомо, позволительно спросить, возвращаясь к сегодняшней яви, что Советский Союз не только последовательно выступает против террористической деятельности как одной из вредоноснейших форм политического авантюризма, но и добивается принятия мер, ей препятствующих? Другими словами, не назвать ли обвинения Вашингтона тем, что они воистину собой являют, — достаточно примитивной попыткой свалить вину с большой головы на здоровую? Вашингтону нужно любой ценой принизить роль и значение движения народов за свободу, приклеивая ему ярлык «международного терроризма» да еще ставя под сомнение его подлинность, — разве не «рука Москвы» подталкивает народы на сопротивление, на борьбу? И разве мысль о том, что «международным терроризмом» руководят из Москвы, — не прекрасный способ запугать обывателя и заставить его терпеливей нести тяготы эскалации военных бюджетов?

Уместно напомнить в этой связи слова Эндрю Джексона, одного из былых президентов США: «Когда вспоминаю, что бог справедлив, я содрогаюсь за судьбу Америки!»

...Каждый заход нашего судна в порт сулил нечто новое, неизведанное. Предощущение встречи с неизвестным миром заставляло подниматься на палубу едва ли не всех пассажиров — людей различных наций, культур, традиций. Все они, кажется, испытывали

одинаковый интерес к тому, с чем суждено им было встретиться. Не только зрительно, но и с помощью кино- и фотографических аппаратов они стремились сохранить память о виденном, постигнутом ими в пути, остановить мгновение прекрасного — величие природы и величие человеческого творчества.

Однако не всякий раз и далеко не всюду нас ждали счастливые мгновения соприкосновения с чужой реальностью и образом жизни. Не все сущее приемлет человек. Над многим он задумывается. Многие подвергает сомнению. Иные же явления вовсе отвергает. Нельзя не согласиться с бессмертным Саади: «Не всякая раковина беременна жемчужиной». Верно, конечно, и то, что на возникающие перед нашими глазами картины мы смотрели по-разному, по-разному видели и судили. Различия в наших критериях и оценках, разумеется, объясняются социальными причинами, мировосприятием, симпатиями и антипатиями. Но это не мешало нам вести живой разговор и дружески спорить, стремиться лучше познать других и самих себя. Главное ведь оставаться собой. Как говорил Эпикур: «Нечестив не тот, кто отвергает богов толпы, а тот, кто присоединится к мнению толпы о богах».

За время морского плавания на нашем судне возникло некое содружество пассажиров. Удивительная человеческая способность к освоению и обживанию новых миров получала свое воплощение и в случае нашего маленького плавучего мирка под названием теплоход «Белоруссия».

Путешественники объединялись в группы в зависимости от склонностей и предпочитаемых занятий, в зависимости от возраста, иной раз от знания или незнания других языков, помимо родного.

Одни, уютно устроившись в палубных шезлонгах, на целые часы погружались в чтение, стремясь сочетать увиденное своими глазами с прочитанным в книгах. Другие, среди которых было несколько в начале нашего путешествия выделявшихся своим академически-кабинетным видом, просто блаженствовали под ласковым солнцем и солоноватым ветерком Средиземноморья, будто в подтверждение слов Спинозы, что блаженство есть не награда за добродетель, а сама добродетель. Они были вознаграждены, ибо к концу круиза их кожа прокаливалась поистине до антрацитового оттенка. Иные вели неспешные беседы, делясь впечатлениями от городов и весей или увлекались нескончаемыми дискуссиями о мире и войне на тревожной нашей планете. Пусть неизвестно, насколько беседы помогли им проникнуть в суть вещей, насколько приблизились они к постижению истины; можно ли сомневаться в благотворности общения и обмена мнениями, которые ценны уже тем, что позволяют людям лучше узнавать друг друга и учат, твердо стоя на своей позиции, уважительно относиться к чужому мнению.

Представительницы прекрасного пола быстро составили собственный кружок и общались столь оживленно, что наводили остальных пассажиров на мысль, будто языковые препоны существуют для одних мужчин.

Нашлись на борту «Белоруссии» и шахматные воители. На глазах у посвященных разыгрывались безмолвные баталии, велись упорные осады крепостей, совершались молниеносные атаки... О, если бы на земле велись только шахматные войны!

Сразу же находила язык и молодежь, превосходно обходившаяся древнейшим языком мимики и жестов, уж если не доставало слов. Живительный воздух Средиземного моря просто заряжал юношей и девушек энергией. С утра до вечера они шумно и весело носились по палубам, затевали спортивные состязания, а вечерами танцевали, танцевали, танцевали. Судорожные ритмы и оглушительные звуки сменялись распеваемостью танго, опять вошедшего в моду, и тогда партнеры обрывали бешеный темп резких движений и с нежной медлительностью принимали друг к дружке.

Юноши находили себе подруг, парочки разгуливали, полуобнявшись или держась за руки, прямо-таки излучая влюбленность. Длилась она подчас... до захода в очередной порт, а когда «Белоруссия» отплывала от берегов, все начиналось сызнова с новыми участниками, которые действовали по тому же сценарию...

Но была среди многочисленных пассажиров нашего судна пара, которая старалась держаться незаметно, а привлекала к себе всевозраставшее внимание: седеющий высокий мужчина, весьма стройный для своих лет — он выглядел заметно старше своей спутницы, — и она, спутница, воплощение женственности и редкостной красоты. Длинные темные волосы и огромные карие глаза на смугловатом лице с тонкими, точеными чертами, свободная грациозность каждого движения и жеста. Кто они? Откуда? И почему так грустны ее глаза? Что-то неизменно печальное и таинственное чудилось во всем ее облике.

Эти двое были всегда вместе и всегда держались чуть особняком. Они не заходили в бар с его хмельными завсегдатаями, явно избегали ночного клуба, где до утра сокрушительно грохотала дискотеза.

Чаще всего их можно было увидеть на верхней палубе, под капитанским мостиком, откуда открывался широкий обзор — морской горизонт, силуэт прибрежных гор... Здесь они проводили долгие часы за разговорами о чем-то, явно глубоко их обоих волновавшем. Иной раз он доставал записную книжку и что-то быстро заносил в нее, она следила за его рукой, лицо ее становилось еще одухотвореннее и прекраснее.

Случалось, что вечерами задувал холодный ветер и соленые брызги осыпали корабль. Пассажиры обыкновенно покидали палубу в эти

часы, но двое не уходили. Она собирала волосы в высокий узел на затылке и подставляла лицо ветру, он бережным движением набрасывал на ее плечи свою спортивную куртку. Нет, они ходили, взявшись за руки, не демонстрировали свои чувства — напротив, их поведение отличалось какой-то особой деликатностью, сдержанностью. Нет, то был не корабельный флирт, не роман на время круиза. Что бы ни соединяло этих двух людей, какие бы жизненные преграды ни оседали глубокой грустью в глазах женщины, судя по всему, нам выпал на сей раз жребий стать свидетелями большого, настоящего чувства. Сам облик этой пары каким-то непостижимым образом переключался с представлением об идеалах возвышенной любви, запечатленной в памятниках высокого искусства, которыми столь богаты страны Средиземноморья.

Когда «Белоруссия» входила в новый порт, пассажиры, сойдя на берег, пестрой толпой устремлялись в город. Наша пара и тут держалась чуть поодаль. Казалось, для них бесценен каждый миг вместе, свободный от суеты и жажды новых зрелищ, неизбежно возникающих на туристских маршрутах. Да простится мне некоторая зависть, возникшая в душе при виде этой отрешенности!

На судно пассажиры обычно возвращались с покупками, свертками, картонками. Все торопились быстрее погрузить на пароход заморские свои приобретения и сувениры. Но я никогда не замечал, чтобы эти двое обременяли себя покупками. Обычно они возвращались на теплоход с пачкой свежих журналов и плетеной из соломки корзиной с фруктами и зеленью.

Однажды, еще в Пирее, проходя мимо книжного киоска на набережной, я заметил уже знакомых мне мужчину и его спутницу, внимательно рассматривавших книги и журналы. Когда они отошли от киоска, я подошел за газетами и пожилой киоскер-грек стал рассказывать, что вот эти американцы выясняли, есть ли у него книги о Греции, ее культуре и философии.

— Как ни стыдно, а пришлось сказать им, что таких книг здесь нет. Видите, сказал я, киоск забит вашими же американскими и прочими заморскими изданиями, а вот книг о нашей Греции нет... Теперь не то, что было прежде. Я сказал им еще, что книги о греческой культуре, должно быть, издаются в Америке, там их и купите...

Но реплика его осталась без ответа: американская пара, добавил мой греческий собеседник, молча удалилась... Не стал разубеждать киоскера, что не американцы они — проходя мимо них, я очень ясно слышал славянскую речь.

...«Белоруссия» приближалась к берегам Испании. Пассажиры сгрудились у палубных перил, любуясь огнями ночной Барселоны. Я стоял неподалеку от пары, занимавшей общее внимание, и, увидев книгу в руках мужчины, не устоял перед соблазном взглянуть на название. Ожидая встречи с Испанией, мои знакомые незнакомцы,

видимо, рассматривали репродукции великого Теотокопули, прославившего свою вторую родину именем первой — Эль Греко.

Совпадение. Я размышлял как раз над тем, что испанская культура являет собой ярчайшее свидетельство плодотворности синтеза влиятельного Востока и Запада, сколь бы ни были причудливы, а порой и бурны его пути.

Испания... Удлиненность фигур на картинах Эль Греко и воздушность мусульманских арок Альгамбры. Мухамед Ибн-Рошд, названный европейцами Аверроэсом, без которого трудно представить себе философию Ренессанса. «Великий толкователь Аверроэс», — писал Данте. Утонченность андалузской поэтики и связь ее с песнями провансальских трубадуров. Как убеждает Испания в беспочвенности домysлов о том, что якобы могут существовать на земле народы, чье культурное совершенствование происходило абсолютно вне соприкосновений с влияниями иных традиций!

В начале XII века П. Альфонс впервые перевел на латынь собрание восточных сказок индийского и арабского происхождения и назвал свой труд «Наставления клирику». Этот перевод повлиял затем на творчество и Боккаччо и Чосера, обозначивших целую эпоху в европейской литературе.

А музыка, испанская музыка, а огненные танцы с сухим потрескиванием кастаньет, а цыганские мотивы в поэзии Лорки!..

Пронзительные строки посвящает Лорка морю у испанских берегов.

Море, ты — Люцифер
Лазоревых высот.
За желанье стать светом
Свергнутый небосвод.
...Страстны твои печали,
Море сладостных всхлипов,
Но ты полно не звезд,
А цветущих полипов.

Средиземное море, соединяющее собой берега, народы, страны, принявшие на свою волну корабли Васко да Гамы, Колумба, Магеллана, которые, выйдя на океанский простор, проложили дорогу к далеким Америкам... Но по пятам великих путешественников шли колонизаторы — захватывать, грабить, нести дикарям «христианское милосердие».

Испанские путешественники и завоеватели, которые на грозных своих фрегатах бороздили моря и океаны, открывали новые земли, мечом и огнем покоряли народы. Морские авантюристы не только побеждали, нередко приходилось им терпеть и поражения. Море служило им средством захватов, обращения покоренных в рабство.

Море оказалось театром разбойничьих войн и кровопролития. Провозглашалось «царствие свободы», чтобы убить свободу действительную. Это было жестокой расправой конкистадоров с целыми народами, их культурой, духовными традициями.

Чуть не на другом конце света Филиппины — само название страны было призвано славить могущество испанского короля Филиппа.

На Филиппинах есть памятник Лапу-Лапу, вождю, который убил Магеллана, воздвигнутый во славу «первого борца против колонизаторов».

Но Филиппины — лишь одна из ряда стран, которые, едва сбросив иго испанского колониализма, оказались жертвой колониальной экспансии США.

Незадолго до нападения США на испанские колонии в Западном полушарии появилось на свет четырехтомное сочинение будущего президента США Т. Рузвельта «Завоевание Запада» (1889—1891), возводящее кулачное право на уровень государственной политики, разумеется, «демократической» в интерпретации автора. В более поздних выступлениях об испано-американской войне и об аннексии Филиппин Т. Рузвельт еще более определенно сформулировал концепцию американского экспансионизма.

В статье «Экспансия и мир» он славословил американскую экспансию, гонку вооружений. Ирония и насмешки автора не знали пределов, когда он говорил о мире между народами. В экспансии он видел «здоровье нации», состояние мира для него было «позорным», «бесславным», «жалким», «недостойным». Империалистическая активность США неуклонно возрастала с каждым годом XX века. Американский военно-морской флот и армия становились инструментом как подавления освободительных движений за пределами США, так и кровавых расправ с американскими рабочими и фермерами. Продолжалось порабощение государств Латинской Америки, начатое еще мексиканской войной 1848 года. Экспансионистские режимы могли держаться лишь на силе, грубой силе, ею утверждая себя на несправедно захваченной земле.

Характеризуя политику США в годы первой мировой войны и после нее, В. И. Ленин писал: «Идеализированная демократическая республика Вильсона оказалась на деле формой самого бесчестного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов». Ленинские эти слова в равной степени применимы и к современности. За прошедшие полвека агрессивный потенциал США увеличился во много крат, а позорная история американского империализма стала еще более кровавой и омерзительной. Достаточно вспомнить об атомных бомбах, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки. Гегемонистские вождения США выросли непомерно, превратив страну в мирового жандарма. И под пеплом минувшей войны

продолжают чадить угарные угли теперь уже термоядерных пожаров, раздуваемых США. В этом таится зловеющая угроза всемирной беды.

Но американские стратеги, программирующие гибель человечества во всепланетном пожаре, недооценивают целый ряд существеннейших факторов, с которыми они будут вынуждены считаться. Отнюдь не последнее место занимает в этом ряду рост сознания народов мира, требующих, чтобы правители США умерили свой пыл.

В Барселоне, как и во многих других городах Испании, проходят митинги и демонстрации протеста против американских стараний втянуть испанский народ в опасные затеи НАТО. Бродя по тесным улочкам старой Барселоны, шагая мимо крохотных кофеен, под увитыми глициниями балконами, вслушиваясь в трели быстрой каталонской речи, я вспоминал и о других временах. На память приходили рассказы друзей, сражавшихся на каталонском фронте за республиканскую Испанию вместе с бойцами прославленных интербригад. Может быть, на этих камнях звучали шаги неустрашимых сынов всей земли, готовых жизнь отдать в битве против фашизма. Та битва была лишь первой, и не нам забывать, что было потом, уже на других землях, в других странах, на нашей Родине.

Никогда я не мог согласиться с невеселым афоризмом, который гласит, что история — всего лишь наука о прошлых заблуждениях человечества. Нет, воистину никто не забыт, ничто не забыто, и сражение с фашизмом, начатое здесь, на горячей испанской земле, все-таки увенчалось красным знаменем над рейхстагом. Об этом следует помнить и сегодняшним неофашистам всех мастей.

...Прогулка по Барселоне привела меня к рыбацким верфям, где приютилось кафе, скромное на вид, но так соблазнительно пахнущее жареной рыбой, что я не устоял и перешагнул порог.

В кафе было сумеречно за спущенными жалюзи, пустовато и как-то удивительно спокойно и уютно. Мне подали свежесловленную рыбу и креветок. Хозяин включил радио, зазвучала музыка. Отворилась дверь. В кафе вошла знакомая нам пара с теплохода «Белоруссия». Огляделись, выбрали столик в самом углу и прошли к нему.

Пел чудесный испанский певец Хулио Иглесиас. Пел негромко, сердечно, будто обращаясь к каждому из нас в отдельности, доверчиво и страстно поверяя тайны своей души. Гитарные аккорды то сплетались с голосом, то замолкали, давая ему высказаться одному, потом покорно и нежно соглашаясь с певцом. В непритязательном рыбацком кафе, приткнувшемся к самому морю, вершилось чудо искусства. Возник волшебный миг, тем более драгоценный в суетном нашем бытии, чем более он редок, когда вдруг восприятие невероятно обостряется, когда музыка завладевает всем твоим существом и поднимает к горным высотам, откуда все видится иным, прекрасным, чистым...

Не я один ощущал чудо. Случайный взгляд, упавший на пару за угловым столиком, убедил меня в том, что музыка глубоко взволновала обоих. Я впервые видел их руки соединенными, но мне показалось, будто темные глаза женщины блестели непролитыми слезами. Хотя, быть может, то была игра воображения...

Нет, миру не оглохнуть и не ослепнуть от собственного грохота и вспышек, пока не порваны в душе человека струны, начинающие звучать от соприкосновения с красотой, с истиной, с гармонией! Лязг и скрежет современной жизни, который способен перекрыть лишь децибелы бездумной дископродукции, побуждает нас устремляться к музыке иной, представляющей, по слову поэта, «союз волшебных звуков, чувств и дум», той, которая всегда есть изъяснение искренней человеческой страсти, приведенной к гармонии большим талантом.

Я не могу делить музыку на серьезную и легкую, призвание ее, позволю себе заметить, служить преодолению немоты человеческой души, осуществлять связь между человеком и гармонией вселенной. Музыка, в строгих ли канонах классических форм или, напротив, в свободной импровизации классического джаза, не может не быть проявлением общечеловеческих эмоций, узнавание которых в этом их возвышенном выражении надолго остается радостью в душе. Все остальное не более чем музыкально организованный шум.

Хотелось бы упомянуть здесь и о той громадной, с моей точки зрения, роли, которую играют современные средства грамзаписи в эмоциональном формировании человека. У меня уже был повод вспомнить на страницах этих записей о колыбели джаза — Новом Орлеане, где осуществлен был перенос вокальной африканской музыки и африканских ритмов в европейскую инструментальную сферу. Импровизационность — это ведь создание того, чему не дано повториться, и можно испытывать только чувство благодарности за то, что сегодня существуют технические возможности, позволяющие по желанию воспроизвести вдохновенный миг свободного парения музыки. Не стану оспаривать, впрочем, и наличия оборотной стороны медали: не средства ли массовой информации, тиражируя оглушительные музыкальные шумы, погружают нас в некую пучину псевдомызыки, терзающую и уши наши и души?

Как счастливы должны были быть те, кому довелось услышать игру неистового Паганини, подозреваемого современниками в сделке с самим дьяволом, ибо не мог же, утверждали они, простой смертный исторгать звуки такой мощи из своей скрипки!

Перечитывая в своей каюте «Флорентинские ночи» Гейне, я встретил описание игры великого Паганини или, скорее, картины, вызванной его игрой в воображении слушателя:

«Багровые блики заката ложились на широкие морские волны, которые становились все краснее и в таинственном созвучии с мелодиями скрипки шумели все торжественнее. Но чем багрянее

становилось море, тем бледнее делалось небо, и когда, наконец, бурные воды превратились в ярко-пурпурную кровь, тогда небо стало призрачно-светлым, мертвенно-бледным, и угрожающе и величественно выступили на нем звезды — и звезды эти были черные-черные, как куски блестящего каменного угля».

Музыкант, как писал Лист, вдохновляется природой, но не копирует ее. Силой вдохновения он творит свой собственный мир, в котором живет, мыслит, чувствует, высказывает в звуках самое сокровенное из пережитого и прочувствованного. Но язык, каким он пользуется, менее конкретен, чем любой другой, и благодаря этому он вызывает у слушателя свободный поток сотворчества. Музыка не столько повествует, сколько побуждает слушателя чувствовать — или напоминает о былых чувствах,— зовет его к отождествлению собственного опыта с тем, который запечатлен в музыке. Подобно тому, как закатное облако позволяет увидеть в себе сходство с любимым предметом, занимающим мысли мечтательного путника.

...Когда судно приближается к причалам Марселя, силуэт города, видимый издали, высотностью и масштабностью зданий напоминает очертания Нью-Йорка, однако при более близком знакомстве с городом это впечатление рассеивается.

Если судьба приводит человека в места, о которых ему пришлось читать в юности, он упорно старается в реальном облике увиденного отыскать черты, которые возникли когда-то в его фантазии.

Образ Марселя жил во мне с юности, меняясь с возрастом. Все начиналось с замка на острове Иф, с сумрачно-романтического образа гордого и справедливого графа Монте-Кристо, за которым потом последовала целая череда героев пиратских романов: благополучная концовка непременно приводила их в марсельский порт, где они бражничали в портовых кабаках и хвастались невероятными приключениями.

Сегодня Марсель производит иное впечатление. Приступом взяли его не морские пираты, а банки и синдикаты, индустриальные концерны, опутавшие своими сетями город и страну, страховые компании, только тем, кажется, и озабоченные, чтобы ослепить глаза доверчивым своим клиентам.

Попав в Марсель, неискушенный путник с первых же шагов чувствует себя потерянным: в уличных потоках людей и автомобилей разобраться невозможно, найти нужный адрес — истинная мука.

Марсель... Третий, после Парижа и Лиона, промышленный центр Франции, первый порт по грузообороту, соединяющий ее с Северной Африкой и другими странами Средиземноморского бассейна, с Ближним и Дальним Востоком, Азией и Австралией. Крупный культурный центр. Университетский город. Город искусств, где работают

много художников и сильная группа писателей и поэтов. Создана здесь и Академия наук, литературы и изящных искусств.

И все-таки прежде всего Марсель — портовый город, а точнее приморский город. Кого только не встретишь на его шумных улицах, какие только флаги не полощутся над кораблями! Возносятся в дымное небо современные небоскребы, кипит у их подножия разноликая, разноязыкая толпа, сквозь бензиновый угар все равно пробивается свежий соленый запах — во всем ощущается близость моря. Я иду по яркой улице, окруженный теми, чьи прадеды маршировали в рядах батальона Национальной гвардии под торжественные звуки революционного марша Руже де Лилия. Когда в 1792 году батальон вошел в Париж, парижане подхватили марш, так и назвав его Марсельским, «Марсельзой». А спустя столетия «Марсельезу» пели мы — она была одной из полюбившихся нам песен революции.

Из кварталов стандартной роскоши, так похожих друг на друга в любом большом западном городе, не без труда выбираешься в старую часть Марселя, карабкаешься по крутым, извилистым улочкам. Этот Марсель, амфитеатром раскинувшийся над бухтой, и сегодня чем-то неуловимо напоминает греческое поселение Массалия, которое потом перешло в руки Рима. Волна за волной прокатывались через эти холмы армии завоевателей: вестготов и остготов, бургундов и франков. Было время, когда Марсель оставался самостоятельным, но уже в XV веке принял он вместе с Провансом власть французской короны, и с тех пор невозможно представить себе Францию без Марселя, без сочного марсельского юмора, без острой марсельской кухни...

Прошлое. Прошлое — не будущее, о нем можно рассказать...

И снова после сырого туманного берега раскинувшаяся до самого горизонта морская необозримая гладь. Загадочная стихия... Дано ли человеку понять ее тайны? Постигнуть секрет неостановимого движения волн? Вспоминаются слова созополского мариниста Яни Хрисопулоса: недостаточно всей жизни человека, чтобы изобразить одну волну... Одну волну в целом океане...

С палубы судна виден огненный шар над морской поверхностью — с трудом верится, что это реальность. Снова всплывают в сознании полотна Хрисопулоса, на которых солнце словно бы тонет в золоте света. Вижу, как золото это проложило свои лучистые пути далеко в море. И чайки, рекущие над нашим судном, купаются в волнах неправдоподобного светила.

...Каменная громада Мальты возникает перед глазами так внезапно, будто поднялась из морской пучины.

Порт Ла-Валлетта выглядит с моря иллюстрацией к волшебной сказке. История острова и действительно похожа была бы на сказку,

не будь в ней столько крови, насилия, коварства. Название острова сразу заставляет вспомнить о Мальтийском ордене, о бесконечных войнах, в которых он участвовал. Столица острова по сей день носит имя Ла-Валлетты — одного из великих магистров ордена, провозгласивших, что не уступит Мальту превосходящим силам турецкого флота, осадившим ее в 1565 году.

Но не турки были первыми, кто посягал на Мальту, и не мальтийские рыцари — первыми ее защитниками. Живописные руины в мальтийской гавани — воплощение в камень свидетельства былых сражений за остров, который с древнейших времен был центром сплетения морских путей, что всегда определяло его стратегическое значение: страны Востока и Запада веками соперничали за власть над Мальтой.

Здесь основали свою колонию первые средиземноморские мореплаватели — финикийцы. После них в борьбе за обладание Мальтой участвовали поочередно все государства, возникавшие на берегах Средиземного моря. Карфагеняне. Вандалы. Византийцы. Норманны. Позднее — арабы. Турки.

В 1530 году император Священной Римской империи Карл V вернул остров рыцарскому ордену иоаннитов, который с тех пор стал называться Мальтийским орденом. В 1798 году остров был захвачен Наполеоном Бонапартом, а с 1800-го Мальта оказалась под властью Великобритании, которая превратила ее в английскую колонию, а остров — в свою крупнейшую военно-морскую базу на Средиземном море. И все это время здесь жили и трудились крестьяне, рыбаки, чей язык впитал в себя и карфагенские, и латинские, и арабские корни. Они привозили на каменистую Мальту землю из Сицилии, они разводили коз и ловили рыбу, они выстроили чудо из золотистого камня — Ла-Валлетту, в архитектуре которой отразились национальные традиции.

Архитектура эта поразительна: массивные строения в несколько этажей, плотно примыкающие друг к другу. Все из камня и кирпича глиняно-песочного цвета, который доминирует здесь всюду. Веками отстоявшиеся краски и формы. Все здесь предстает в мягких желтоватых оттенках, в тончайше соблюденной природой тональности передается ощущение пронизанного солнцем воздуха.

Ла-Валлетта не похожа ни на один город, который приходилось мне ранее видеть. Не похожа она и на приютившийся на болгарском Черноморье город Созопол, который совсем недавно посчастливилось мне посетить и который произвел на меня огромное впечатление неповторимостью архитектуры — каменных фундаментов и деревянных надстроек с эркерными выступами, придающими особенную эмоциональную выразительность фасадам домов. Здесь, в Ла-Валлетте, в конструкции добавлены элементы декоративности. Сооружения выстроены целиком из камня, но это просто функцио-

нальный камень. Форма, окрашенность, тональность материала придают городу неповторимый облик, ту самую сказочность, которая с самого начала бросается в глаза путешественнику.

Дома Ла-Валлетты будто вырублены из скальных образований песочного цвета. Они буквально спаяны друг с другом, между ними нет ни малейшего зазора. В жилых домах небольшие двери и узкие оконные проемы, чтобы не проникали знойные лучи солнца. У многих парадных входов — светильники под изображением мадонны или распятия. Миниатюрные иконостасы встречаются и в городских автобусах. Даже в районе гавани великое множество церквей и часовен, святилищ. Звон их колоколов слышен далеко в море.

Улицы Ла-Валлетты заканчиваются выжженными солнцем пустошами. Значительная часть острова бедна водой и почти лишена растительности.

Когда же попадаешь в центральную часть города с его узкими улочками, сплошь застроенными мелкими магазинчиками, лавочками, кафе и ресторанами, кажется, что Ла-Валлетта наводнена только одними туристами. Местное население в восприятии иностранца составляет ничтожное меньшинство, которое в основном занято сервисом. Город напоминает сплошные торговые ряды. Такое впечатление, что в Ла-Валлетте словно бы встретились рынки двух континентов, будто Запад и Восток перемешались здесь в общем базаре. Похоже, что здесь все торгуют, кто чем может.

Торгуют и книгами. Преимущественно международным книжным ширпотребом. Все те же яркие обложки, все то же изобилие обнаженных женских тел на глянцевого журнальных страницах. Мимо снуют фигуры в черных сутанах, видимо, последние наследники былого могущества ордена. Покупателей что-то не видно, одни скусающие торговцы. Движимый чистейшим любопытством, подхожу к журнальному прилавку, чем вызываю широкую улыбку на лице хозяина.

— Сэр? Что угодно? — спрашивает он на звучном английском языке, хотя, судя по внешности, никак не может быть англосаксом.

— Нет ли у вас печатных изданий социалистических стран?

Лавочник превращается в вопросительный знак.

— Ну, скажем, чего-нибудь на русском?

— На Мальте никогда не было русских книг, сэр, — решительно заявляет лавочник, даже не стараясь сохранить приветливость тона. — Мы торгуем книгами на всех языках, кроме русского. Он чужд нам!

Вот так! Еще один островок отчужденности в человеческом море. Еще одно проявление уверенности в чем-то праве диктовать, основанном на незнании и, что гораздо хуже, на нежелании узнать.

Торговец напомнил мне человека из притчи, который был так образован, что мог позвать лошадь на девяти языках, но так невежествен, что под седло купил корову.

В психологии такого человека как в капле воды отражается опасная суть мещанства — сочетание самодовольства и трусливости, стремление к безмятежному потребительству, готовность идти на любые компромиссы ради сохранения своего спокойствия: маленький человек-де бессилён перед неумолимостью обстоятельств. Но разве мещанству определять собой облик человечества?

Одна волна человеческого моря сменяла на Мальте другую и, откатываясь, оставляла на острове свой след — языки, обычаи, одежду, жилища. Время — гениальнейший творец — из вынесенного на остров различными культурными потоками создало своеобразную мальтийскую культуру. Плод естественных движений народов.

Но эра великих географических открытий завершилась колониальными захватами, и понемногу простой грабёж покоренных народов заменялся продуманным высасыванием соков из их изобильных земель. Морские острова из украшения всякого рода державных корон превращались в источник немалых доходов для метрополий. И тогда морские волны понесли к островным берегам невольничьи корабли, которые везли в своих трюмах не только африканских рабов, но и их неповторимую культуру.

Так в разное время искусственно заселялись и Сейшельские острова, и острова Карибского бассейна, остров св. Маврикия и Сингапур. И так складывались основы того, что потом стало называться «компонитной культурой островов». Иногда ее называют и плантационной культурой, разумея под этим отнюдь не сахарный тростник, хотя именно он требовал рабочих рук. После отмены работорговли к тропическим островам поплыли новые корабли с завербованными плантационными рабочими, кули, из перенаселенных Индии и Китая, которые везли с собой на новую родину прочные традиции своих древних культур и свои языки.

Драка между колониальными державами за прибыльные острова, в которой Англия решительно теснила своих слабейших колониальных соперниц, вела к тому, что к остальным языкам добавился еще и английский, хотя к тому времени на многих островах разговорным языком уже стал креольский, стихийно сложившийся на основе старофранцузского или испанского в процессе общения разноязыких плантационных рабочих.

Свобода от колониального угнетения и политическая самостоятельность, которых, один за другим, добиваются острова, поставили перед ними новые проблемы, и на первом месте — укрепление национально-государственного самосознания и упрочение экономической независимости.

Каждое островное государство решает эти проблемы в зависимости от реальной ситуации, но везде и всюду их решение связано со спецификой компонентной культуры.

Об этом превосходно рассказано в повести уроженца Тринидада В. С. Найпола «Флаг над островом». Над островом, носящим множество черт сходства с Тринидадом, развевается национальный флаг, остров активно посещают заокеанские меценаты в поисках сокровищ национальной культуры, но этой культуре еще предстоит сформироваться, и процесс этот не обещает быть простым.

Об одном из путей становления композитной островной культуры недавно рассказал на страницах «Правды» журналист А. Сербин в очерке о сегодняшнем дне Сейшельских островов. Там ведется подготовка к изданию словаря креольского языка, собирают фольклор, готовят учебные пособия, на которых молодые сейшельцы смогут научиться истории родной страны, а не колониальных войн за ее богатства.

Но как бы ни решались проблемы культур и экономики райских островов, остается необходимой одна общая предпосылка: мир на земле, свобода океана, океанских вод от атомных лодок и их баз. Разве кто-нибудь может забыть сегодня имя ранее никому не известного атолла Бикини?..

Но вот осталась за кормой и Мальта.

Уверенно разрезая средиземноморскую волну, наша «Белоруссия» идет к Стамбулу.

Огромный город у самого Мраморного моря, раскинувшийся среди холмов и захвативший оба берега Босфора. Золотой Рог, естественная гавань, обрамленная высокими крутыми берегами, искони служила надежным пристанищем морским судам из далеких стран. Удивительно благоприятное географическое положение этого Царьграда — Царя городов (пользуюсь старинным русским его названием) не могло не оказать влияния на его единственную в своем роде историческую судьбу.

Сегодня Стамбул — энергичный современный город «на семи холмах» — важнейший торгово-промышленный и культурный центр Турции.

С древнейших времен здесь жили люди «на скрещении морских путей и караванных троп». Издревле было это место сплетением цивилизаций, культур, религий. Памятники архитектуры, литературы, исторические хроники красноречиво свидетельствуют о взаимовлиянии Востока и Запада. 11 мая 330 года на месте городка по имени Византий был заложен Константинополь. Константинополь. Новый Рим, Царьград, Стамбул...

Давно уже отзвучала на этих вечных берегах «божественная эллинская речь», но каменная летопись, архитектура города повествует о его величественной истории каждому, кто умеет читать ее письма. Каждый час, проведенный в Стамбуле, способен раскрыть

новые и новые страницы летописи, заставить задуматься и над судьбами приходивших в упадок могучих империй, и над происходившими здесь кровавыми и трагическими событиями, и над причудливыми формами, какие принимает порой соединение Востока с Западом.

Город некогда горделиво называл себя средоточием вселенской учености, средоточием искусств, откуда веками брали начало философские и эстетические течения, каноны изобразительного искусства и изящной словесности. Их породило слияние культур Востока и Запада, они веками питали собой и Запад и Восток. Великие творения византийской духовной поэзии, такие, как несравненный Акафист Богородице, и жемчужины византийской архитектуры, прекраснейшая из которых — собор св. Софии, нынешняя Ая-София, — как проследить и вширь и вглубь их влияние на художественную мысль человечества? Каменная громада с поразительной легкостью возносит над землей перед моим взглядом свой огромный купол. А по углам — четыре тонких минарета, копиями вонзающихся в небесную синь. Византийский собор, освященный в VI веке и обращенный впоследствии в мусульманскую мечеть, Ая-София веками служила источником вдохновения для турецких зодчих. Случайность ли, что великий Синан при возведении стамбульской мечети Сулеймание использовал формы, сотворенные его византийскими предшественниками?

Долго не мог я оторваться от созерцания этого нетленного памятника преемственности культур, повторяя про себя бунинские строки, пришедшие на память, как отклик тому, что чувствовал сам:

Светильники горели, непонятный
Звучал язык, — великий шейх читал
Святой Коран, — и купол необъятный
в угрюмом мраке пропадал.

...А утром храм был светел. Все молчало
В смиренной и священной тишине,
И солнце ярко купол озаряло
В непостижимой вышине.

И голуби в нем, рея, ворковали,
И с вышины, из каждого окна,
Простор небес и воздух сладко звали
К тебе, Любовь, к тебе, Весна!

С возвышением Константинополя и падением Рима завершилась эпоха античности.

Но в 1453 году пал и Константинополь.

К середине следующего столетия Османская империя растеклась по географической карте, затопляя всю Малую Азию, Балканский полуостров, Ирак, часть Кавказа, Сирию, Палестину, Египет, восточную и центральную части Венгрии. Пути, связующие Европу с Азией, теперь пролегли через Ближательную Порту, и она получила возможность сосредоточить у себя несметные богатства. Взаимодействие же собственно турецкого художественного опыта с творческим наследием покоренных народов привело к невиданному доколе расцвету художественной культуры Османской империи.

И этот период тоже запечатлен в каменной летописи, и он внес свою лепту в ее нетленную красоту.

Постепенно менялся архитектурный облик Стамбула. Турецкие зодчие воздвигали прославленный дворцовый комплекс Топкана, который до самого конца империи был резиденцией турецких султанов. Как мираж встала над городом мечеть Баязида, построенная учеником Синана Хайреддином. Рождалась необычная гармония Востока и Запада, включавшая в себя компоненты христианской и мусульманской эстетики. Мечети Сулеймание, Ахмедие, Ениджамии с утонченным силуэтом их высоких минаретов, громада Айя-Софии, колонна Константина Багрянородного, перевитые змеи Змеиной колонны, остатки стен Феодосия вместе с крытыми рядами Чарши и тесно заселенными жилыми кварталами, где нависающие эркеры почти соприкасаются над узенькими переулками, — все это образовало единый архитектурный ансамбль.

Город на семи холмах, город на морской артерии, соединяющей Черное море со Средиземным, город на пути из Азии в Европу поистине обрел «лица необщье выраженье». Может быть, как раз с тех времен стали говорить, что муэдзины, на восходе и закате возглашающие с минаретов величие Аллаха, должны закрывать глаза, ибо чувственная земная красота Стамбула способна лишь отвлечь их помыслы от материй божественных.

Позднее Стамбул украсился еще одним сооружением, чудом инженерной мысли своего времени — Босфорским мостом, переброшенным из Европы в Азию. Босфор — кратчайший путь между Западом и Востоком. Об этом тут позаботилась сама природа, словно бы указывая человеку, как следует создавать каналы связей, пути мировых движений, средства культурного общения народов. И человек исполнил предначертание природы и добавил рукотворный мост к проливам, проложенным ею.

...На берегу Золотого Рога, к которому швартуются рыбацкие баркасы, жарят на железной решетке свежевыловленную рыбу, трепещущего луфаря. Жарят прямо на ваших глазах, по вашему выбору и вкусу. В любое время года, в любой сезон. Если поинтересуетесь, словоохотливые рыбаки с гордостью скажут вам, что нигде на свете нет рыбы вкуснее стамбульской. Еще они вам объяснят, что это не

случайность; рыба, мол, идет через Босфор в пору своей зрелости, когда бывает она неопишимо вкусна!

Отличная рыба! А чуть поодаль толпятся дети, маленькие оборвыши, с помятыми жестянками в руках, с талисманами от сглаза на невымытых шеях. Малолетние торговцы питьевой водой. Юные люди, уже познавшие нищенство.

Дети, которые еще не переступили школьного порога, выпрашивают у прохожих милостыню на знаменитом Галатском мосту, который пролегал через Золотой Рог и служил зрелищем для заморских туристов. Невольно приходят на память строки турецкого поэта Орхана Вели:

Целый день я торчу
На Галатском мосту
И на вас наглядеться
Никак не могу.
Кто на весла налег,
Кто сидит за рулем,
Кто ракушки сгружает с баркаса,
Кто швартует суда у причала...
Похоже, средь вас я один
Живу без заботы, брожу без работы,
Но, постойте, настанет мой день,
Я о вас напишу десятки поэм,
Может, десять курушей за них получу
и досыта тоже поем.

Должно быть, в облике любого людского поселения всегда есть свет и всегда есть тени. Где-то больше светлых сторон. Где-то доминируют темные. Стамбул во всем резко контрастен. Его величественное прошлое и его шумное светливое настоящее, которое обрушивает на путешественника сверкание огней и фар, гул, грохот, скрежет бешено мчащегося транспорта, закрывает полнебосклона сине-черной гаммой современных зданий. Так же разителен контраст между роскошью и нищетой Стамбула. Вот уж поистине сочетание Востока и Запада: в богатстве, выставляемом напоказ, и в бедности, которой нечем прикрыться. Разодетые дамы, выходящие из дорогих автомобилей, золотые украшения, горки жемчуга, россыпь бриллиантов в ювелирных магазинах на знаменитом стамбульском коверед-базаре, а рядом — изможденные нищие выпрашивают милостыню у прохожих.

Спекшийся от столетий быт восточного города обнаруживает глобкие трещины западного капитализма.

Трагедия детей — одна из самых чудовищных язв всего капиталистического мира, прямо связанная с пренебрежением к человеку.

Малолетние дети зарабатывают хлеб на улице... Отчего такая жестокая несправедливость? В мире насчитывается сейчас четыреста пятьдесят пять миллионов безработных или не полностью занятых, сообщил генеральный директор Международной организации труда Фрэнсис Бланшир в своем выступлении на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке в конце августа 1980 года. Он отметил также, что для обеспечения полной занятости к концу этого века нужно создать около одного миллиарда новых рабочих мест, в том числе 800 миллионов в развивающихся странах. Характеризуя огромные трудности в этой области, переживаемые капиталистическим миром — развитыми и развивающимися странами, он отметил, что для очень многих из 850 миллионов молодых людей в возрасте от 15 до 25 лет не существует в настоящее время никаких перспектив ни краткосрочной, ни долгосрочной занятости.

Вот из этой бесстрастной статистики вытекает то, что люди, не обладающие ничем, кроме рабочих рук, вынуждены делаться рабами других, тех, кто располагает возможностями для приобретения их труда. Таким образом, лишь с согласия сильных мира сего человек может реализовать свои способности, лишь с их соизволения он может жить. В этом сущности самой системы частнособственнического социального устройства. Жестокая и бесчеловечная. Массовая безработица — одно из народных бедствий, национальных трагедий многих стран.

И если на улицах Стамбула нищенствующие дети продают проходим воду, то в Лиссабоне торгуют детьми, и об этом пишут в газетах. В столице Португалии полиция арестовала некоего А. Морейру по обвинению в продаже португальских детей в США. Лиссабонский еженедельник «Тако и куал» посвятил этому несколько страниц, а также опубликовал рассказы женщин, ставших жертвами зловещего синдиката по сбыту «живого товара».

Потеряв надежду избавиться от нищеты, многие из женщин решились на продажу своих детей в расчете на то, что дети попадут в хорошие условия. Ана Мария продала трех дочерей, две уже находятся в США, а третья, четырехмесячная, в полиции, так как в момент ее продажи и был арестован А. Морейра. Женщина по имени Паула тоже продала двоих детей. Через четыре месяца она вновь должна стать матерью, но лишь на несколько часов: будущий ребенок уже запродан. За ребенка торговцы детьми дают от пяти до шестидесяти тысяч эскудо. Морейра и его сообщники искали свой «товар» в кварталах лиссабонской бедноты.

Торговля детьми — самое гнусное в облики цивилизованного западного мира. До сих пор меня преследуют жалобные голоса на Галатском мосту, умоляющие прохожих купить у них за гроши кружку питьевой воды...

И тут время начать рассказ о встрече с человеком, который тоже не может равнодушно слышать голоса нищих детей. Переполненный противоречивыми стамбульскими впечатлениями, я готовился к этой встрече, собираясь задать множество вопросов, даже магнитофон с собой захватил.

Но случилось так, что наша беседа оказалась подобной не каналу, воды которого текут в соответствии с замыслом строителей, а свободно струящемуся ручью. Давно истощился запас магнитных лент, давно прекратилось вращение головок, а разговор все тек и тек...

Мой собеседник невысок, круглолиц, смешлив. Его зовут Азиз Несин, и смею надеяться, что это имя само говорит за себя и советскому читателю не нужно представлять его. Но мы рассуждаем не о литературе, не о новых переводах произведений Несина в нашей стране. Нет, Азиз Несин рассказывает о беспризорных детях Стамбула...

Есть восточная пословица, которая гласит: кто думает о будущем годе, сеет просо; кто думает о будущем десятилетии, разбивает фруктовый сад; кто заглядывает дальше в будущее, воспитывает детей. Азиз Несин решил создать фонд для воспитания осиротевших детей. В шести десятках километров от Стамбула на берегу реки он купил участок земли и приступил к осуществлению своих планов.

Когда мы с ним приехали на участок, я увидел дом, одетый в леса.

— Три этажа,— дает пояснение Азиз Несин.— Жилые помещения, зал для библиотеки, читальня, игровые комнаты, гостиная...

Потом я наблюдал его оживленный разговор с каменщиками. Замечания, советы его вполне профессиональны: Азиз Несин — строитель по образованию.

Беседа продолжается за чаем в комнатухе на втором этаже, в прорабской. Здесь стоит старенькая кушетка, этажерка с книгами, стол с чайным прибором, два стула.

— Самое любимое место! — объявляет Несин.

Рядом еще одна комнатуха, торжественно именуемая приемной. Этажерка с книгами, стол, несколько стульев. Ну и, разумеется, чайник с чашками.

— Разбогатеть бы! — мечтательно произносит Азиз Несин.— Были бы деньги, я бы выстроил еще один дом для детей, с бассейном, со спортивной площадкой, с фруктовым садом...

Участок, им купленный, был обыкновеннейшим пустырем, рассказывает он. Когда закладывали фундамент, он жил здесь в палатке. Первое, что он обнаружил в своем «поместье», была сброшенная при линьке кожа змеи, рассыпавшаяся в пыль, едва он до нее дотронулся. Зато удалось сохранить черепаший панцирь, тоже подобранный на участке.

— Панцирь лег в основу фонда,— с серьезной миной объявляет писатель.

Нелегкая биография досталась Несину — смутные времена, избыточные драматическими событиями, кровавыми трагедиями, неустойчивыми союзами и ненаучными решениями трудных проблем. Но какие бы колебания ни сотрясали мир и страну, почву под ногами он не теряет!

Азиз Несин истово верует в то, что капля камень точит. Он отказывается признавать, что существуют безвыходные ситуации. И в литературе и в жизни он требует действия.

— Нет, не верю в завершенность... Верю в продолжение, в неостановимость.— Более шестидесяти созданных писателем книг — свидетельство его творческого движения. Главные книги его жизни еще впереди, убежден Несин.

У Несина никогда не было своего автомобиля. Приобретая земельный участок для детского дома, он ездил туда из Стамбула автобусом, как ездят местные жители.

— Не всегда это, пожалуй, удобно, без машины,— вырвалось у меня.

— Верно, приходится тратить много времени на передвижения... Но полезно, всегда полезно — многое постигаешь, лучше познаешь реальность, людей, их нужды и настроения,— ответил Несин.

Нередко писателю в автобусе приходилось слышать разговоры иных зажиточных сельчан:

— «Что за проходимец этот Несин! Придумал же, окопаться в нашем крае!» Ну, они употребляли выражения и покрепче, да как-то неудобно цитировать,— с лукавой улыбкой добавляет Азиз Несин.— Узнав, для чего приобретен участок,— рассказывает Несин,— местные жители, мои соседи, изменили отношение ко мне, стараются всячески помочь мне, кто добрым советом, кто добрым делом... По природе своей, смею заверить, люди добропорядочны и щедры душой...

Просуществовать на писательские гонорары в Турции крайне трудно, редкий из турецких писателей рискует сделать литературу средством заработка. Здесь судьба благоволила к Несину. У него много книг, пользующихся огромной популярностью, жить и кормить семью за свои гонорары он в состоянии. Все это пришло далеко не сразу, но, став профессиональным писателем и получив несколько международных литературных премий, материальный достаток он обрел.

Теперь можно было вздохнуть с облегчением, не нужно было больше носиться по редакциям, теперь можно было жить спокойно. Но он не был бы Азизом Несином, если бы не начал терзаться мыслью о том, что ему чересчур хорошо живется, а вокруг такая нищета. В результате раздумий родилась идея построить дом для сирот. Сначала мало кто поверил в реальность замысла. Несина стали уверять, что детский дом — пустая затея, из которой ничего не получится. Несин стоял на своем и, проявив изрядную деловую сметку, энергичность и настойчивость, купил землю, договорился

с подрядчиком и заложил фундамент дома. Подготовив устав фонда, Несин собрал всю свою семью: жену, трех сыновей и дочь — и в присутствии адвоката и нотариуса держал перед ними речь, которую я привожу со слов Азиза Несина в форме его очередного рассказа:

— Жена моя, Мераль, и дорогие дети! Я дал вам все, что необходимо для жизни, то есть все, что никогда не имел сам. Сыновья мои Али, Ахмет, Атеш, если вы повремените с женитьбой, вы сможете получить образование, которое даст вам возможность зарабатывать себе на жизнь. Мы живем в хорошем доме и ни в чем не нуждаемся. Поэтому я решил, что отныне все мои гонорары пойдут в детский фонд. Фонду я намерен завещать и все деньги, которые будут причитаться за мои книги после того, как я умру...

Несин хотел продолжать, но тут громко заревел его любимый сын Али:

— Папа, не умирай! Не хочу никакого образования, не нужен мне хороший дом!

За Али расплакался Ахмет, потом Атеш, потом, утешая их, заплакал сам Несин...

И все-таки в 1972 году завершились юридические процедуры, связанные с оформлением детского дома, — он даст кров и пищу семидесяти двум малышам, и будут они жить на полном обеспечении, пока не кончат школу и не обучатся профессии. Дети, которые проявят особую одаренность, получат и высшее образование.

По настойчивому требованию Азиза Несина в устав включено примечание: неспособность ребенка к умственному труду не может служить поводом для его исключения из детского дома.

Кроме гонораров, Азиз Несин передает детскому дому всю библиотеку из двадцати тысяч томов и свое собрание картин. Несин собирает также все связанное с жизнью и творчеством Назыма Хикмета — рукописи, документы, фотографии, личные вещи, ибо он предполагает устроить при детском доме мемориальную комнату Хикмета.

Слушая Азиза Несина, я искренне восхищался благородством дела, которому он посвящает столько сил и средств. Какими величественными и простыми в то же время строками запечатлел в своем стихотворении Назым Хикмет строй души такого рода человека:

Ведь если я гореть не буду,
И если ты гореть не будешь,
И если мы гореть не будем,
Так кто же здесь рассеет тьму?

Азиза Несина отличают не только целеустремленность, упорство в борьбе за справедливость, не только острый ум иронического склада, но еще и огромное личное обаяние.

Сатирик, юморист, он отнюдь не из породы острословов, без отдыха упражняющих свое остроумие на каждом, кто попадетя. Юмор Азиза Несина естествен, за его шутками и забавными новеллами прячется глубокая мысль, далеко не всегда веселая. К тому же только человек сильный и смелый так легко и охотно способен смеяться над собой.

Помнится, во время одной из наших прогулок по стамбульским улицам Азиз Несин начал вслух размышлять о том, что человеку несвойственно испытывать какое-то одно чувство, что нет ни совершенного счастья, ни даже совершенного горя, ибо границы человеческих эмоций зыбки и неопределенны. Чувства, кажущиеся противоположными, смешиваются, окрашивают друг друга, мгновенно чередуются. Юмор, продолжал он, позволяет увидеть их относительность, но, что важно, добрый юмор зиждется на сострадателности.

Бродить с Азизом Несином по городу было и интересно и поучительно. Азиз Несин был неутомим в желании поделиться со своим иноземным гостем всем, что для него слагалось в понятие «Турция». Что это было — щедрость ли его сердца или традиции восточного гостеприимства, не берусь судить, но лучшего спутника в скитаниях по этому городу невозможно себе и представить.

Поразительно было не только богатство его знаний: дело в том, что Азиза Несина знал весь огромный Стамбул. Несина узнавали тотчас, где бы мы ни появлялись: на улицах, в книжных лавках, в концертных залах, в ресторанах и кафе... Улыбались, подходили, дружески здоровались, вступали в разговор. И ни один человек не был обойден вниманием писателя: он задерживается, пожимает руку, что-то говорит — несколько учтивых слов, деловитая фраза, шутка на ходу. И так буквально на каждом шагу.

Хосе Агустин Гойтисоло писал в «Архитектурной мастерской»: «...потом выходи на улицу и смотри. Вот лучшая школа в твоей жизни».

Мы зашли в книжный магазин, где продают и книги Азиза Несина. Мальчик лет двенадцати, который встретил нас в магазине, оказался внуком писателя.

— Большой хитрец! — аттестовал его Несин. — Увидел, что покупатели просят, чтобы я написал книгу, и решил, что дело пойдет бойчее, если в мое отсутствие автограф будет давать он...

И тут же о карикатуристе из анекдота: тот стал спрашивать, почему так плохо покупают его рисунки, а издатель ему посоветовал поспешнее надписи придумать...

Запас такого рода историй у Азиза Несина практически неистощим.

— Мой знакомый художник пригласил приятеля на свою выставку. Тот ходит, смотрит, говорит: «Гениально! Грандиозно! Потрясающе!» Потом остановился перед картиной. «Слушай, друг! А ведь эта и вправду хороша!»

Выйдя из книжного магазина, мы хотели пересечь улицу, но сплошной поток машин заставил нас ждать.

— Вот так же стоит турок и никак не может перейти улицу, — серьезно начал Азиз Несин. — Увидел человека на другой стороне и кричит: «Ты как дорогу перешел?» А тот отвечает: «Не переходил я дорогу, я родился на этой стороне».

Увидев антикварную лавку, Несин объявил, что боится антикваров.

— Почему? — изумился.

— Чуть не влюбился однажды, — ответил Несин. — Присмотрел бронзовую статуэтку. Спрашиваю, почем, торгуюсь. Вдруг подходит девица такой красоты, что куда там статуэтка! И говорит: «Я беру эту бронзу». Я мужчина или нет? Плачу деньги, хотя цена, конечно, дикая, а сам глаз не могу оторвать от красавицы. Только рот раскрыл, чтобы сказать: «Примите статуэтку в дар, ибо ваша красота...» или что-то в этом роде. Но тут появляется мой приятель, и что выясняется? Прекрасная незнакомка — родная сестра жулика-антиквара!

Случаев убедиться в отваге Азиза Несина жизнь предоставляла сколько угодно — даже день своего пятидесятилетия он провел в ожидании суда: писателя обвиняли в подрывной пропаганде в связи с его статьей о Гракхе Бабёфе, известном деятеле Великой французской революции.

— Впрочем, — с улыбкой заметил сатирик, — нет худа без добра, как нет добра без худа. Те, кто ищет легкой и сытой жизни, идут у нас не в литературу, а на биржу.

Смею заметить, что главный секрет популярности произведений Азиза Несина не только в его таланте, наблюдательности и остроумии, но и в том, что все это обеспечено еще и золотым запасом поступков, активной жизненной позицией. А всегда ли бывает так? Всегда ли ясно, где кончается риторика и начинается правда жизни?

Мой добрый друг и друг Азиза Несина Фаиз Ахмад Фаиз, прекрасный пакистанский поэт, подчеркнул в одном из своих выступлений:

«Каким может быть — или должен быть — опыт художника в сегодняшней Азии или Африке? Прежде всего это осознание опыта прошлого... Затем — осознание настоящего, с его огромными надеждами и огромным отчаянием, с большими свершениями и большими разочарованиями, с большими ожиданиями, с его новой свободой и новой тиранией... Только тогда будет художник вознагражден, он выйдет за рамки времени, увидит мир в его цельности, познает истину нашего века».

Не сомневаюсь, что Азиз Несин мог бы подписаться под этими словами.

Ночной Стамбул... Я вглядываюсь в него снова с борта «Белоруссии». Стадо машин продолжает неугомонное движение по прилегающим к порту улицам, залитым множеством электрических

огней. Распахнулись двери увеселительных заведений, которым здесь несть числа. Разноплеменные пассажиры нашего судна устремились на ночную прогулку по экзотическим кварталам города.

В морском путешествии грусть расставания с одним портом предвещает радость встречи с другим, и я уже не однажды разделял это чувство с пассажирами нашей «Белоруссии». Но на сей раз все было по-другому, оттого что Стамбул запечатлелся в моем сознании двоюко: из увиденного собственными глазами, и из подаренного мне щедрым сердцем Азиза Несина...

На палубе было пустынно, но, взглядевшись, я различил женскую фигуру у самой кормы. Длинные волосы и какая-то длинная накидка... Но где же всегдашний спутник этой женщины, почему она сейчас одна?

Быть может, расставание, ощущение еще одной перевернутой страницы жизни понуждало меня искать общения, и я обратился по-английски к женщине:

— Вас, видимо, не привлекает ночная жизнь Стамбула? А многих пассажиров она тянет как магнит!

— Стамбул — необычный город, и каждому хочется лучше узнать его, — ответила она на том же языке.

— Верно, и вашему спутнику тоже? — поинтересовался я.

Я чуть поколебался перед словом «спутник», не желая оказаться не деликатным, и она явно заметила паузу, но ответила ровным голосом:

— Он остался в Барселоне, чтобы принять участие в Мадридском совещании. — И добавила: — Нужно ведь что-то делать, иначе все погибнет.

А затем, словно поразмыслив, сказала:

— Не перейти ли нам на русский? Вы, кажется, неплохо его знаете?

По-русски она говорила хорошо, с едва заметным мягким болгарским акцентом.

— Вы из Болгарии? — решил спросить я.

— Мы? — переспросила женщина, — Нет, я болгарка... Мой спутник, он журналист... Он из Чехословакии.

Я вспомнил случайную встречу в Барселоне, в кафе, где тосковал голос Хулио Иглесиаса. Уединение за столиком в углу, тихий разговор, легкие прикосновения рук. Так это было прощание! Надолго ли? Быть может, и жизнь у них — от разлуки до разлуки?..

Мне было интересно впечатление моей собеседницы о Стамбуле.

— Вы обратили внимание, как мало женщин на стамбульских улицах, и одеты они почему-то почти всегда в черное...

— На улицах мало женщин, зато много, слишком много американских солдат, — ответила моя собеседница, попросила извинить ее и скрылась в темноте.

Больше не представилось мне случая побеседовать с нею...

...Американских солдат действительно можно было встретить повсюду. Особенно охотно они прогуливались у Золотого Рога... Я узнал потом из газет, что как раз в то время американский шестой флот проводил свои маневры в Средиземном море. В напряженности обстановки нетрудно было убедиться зрительно — студенческие демонстрации, плакаты на стенах Стамбульского университета: «Нет — военным расходам, нет — блоку НАТО!», «Турции нужно добрососедство!»

В трудные для Турции времена привела меня судьба в эту страну. Крупный проигрыш в Иране заставил Вашингтон торопливо тасовать стратегические карты и внимательно присматриваться к Турции — нельзя ли поставить на нее?

Стамбул и многие другие турецкие города были на военном положении, правительство понимало, что оно рискует потерять контроль над страной, захваченной девятым валом терроризма и насилия. На улицах постоянно встречались американские патрули, на площадях — броневики.

По данным газеты «Миллиет», за один год террористы убили 1058 человек, а всего за последние годы было убито около 20 000.

Мне рассказали в Стамбуле анекдот, достаточно горький. Турок спрашивает соседа: «Ты веришь в чудеса?» «А как же? — отвечает второй. — Утром пошли на работу, вечером вернулись домой, и оба живы. Разве не чудо?»

Не берусь судить, кого здесь больше среди террористов — ультраправых или ультралевых, но пули их чаще попадают в представителей демократических сил. Жертвами актов террора стал бывший премьер страны Н. Эрим, бывший руководитель ДИСК — конфедерации революционных рабочих профсоюзов — К. Тюрклер, корреспондент газеты «Демократ» Р. Юнаи и многие-многие другие.

Кровавые деяния террористов — проявления страшной болезни, которой поражена страна. Мне уже довелось в этих записях касаться проблемы терроризма, когда я писал об Италии. То же и в Турции: убийственный рост инфляции, недогрузка промышленных предприятий, безработица, которая усугубляется еще и тем, что Европа, задыхаясь в экономическом кризисе, отсылает обратно на родину турецких рабочих, которые еще вчера составляли такой выгодный источник рабочей силы. Внешний дефицит Турции превышает 18 млрд. долларов, не считая ее обязательств по НАТО.

Новое турецкое правительство, пришедшее после переворота, ведет борьбу с терроризмом, расследует связи правых экстремистов с неонацистским движением в ФРГ, принимает меры для обуздания всевозможных маоистских группировок. Прискорбно, что кое-кто в Турции пытается использовать ситуацию для сведения счетов с демократическими силами, возлагая на них ответственность за

политические беспорядки, хотя именно демократы всегда решительно выступали против тактики террора, за уничтожение социальной базы терроризма, за преобразования, способные дать турецкому народу долгожданную стабильность.

Мои морские записи, начатые в каюте теплохода «Белоруссия», были продолжены не за московским рабочим столом, а в громадном портовом Амстердаме, завершались же они в милом моему сердцу Созополе, «городе спасения» на болгарском Черноморье, о котором мне уже довелось писать раньше. Иными словами, мои записи неизменно оставались в непосредственном соприкосновении со всевластной морской стихией, подчинявшей себе и бег моих мыслей.

Годы захлопывались за мной, как двери гостиничных номеров в самых разных городах и странах Запада и Востока. Тем летом судьбе оказалось удобным вновь привести меня в Амстердам — один из крупнейших и оживленнейших портов мира, в котором я бывал и прежде много лет назад.

Амстердам торгует, торгует уже много веков, и амстердамцы находят в этом истинное удовольствие. Они даже утверждают, что жители Амстердама рождаются торговцами. Позволю себе предположить, что все-таки не все. Тем не менее путеводители горделиво именуют Амстердам «городом-рынком». Могу засвидетельствовать, что уличные рынки живописны, сочно-красочны и изобильны, как натюрморты старых голландских мастеров. Торговцы нахваливают товары, не сдерживая себя никаким чувством меры, а покупатели... Покупатели не проявляют поспешности и, насколько я мог заметить, охотнее разглядывают витрины и прилавки, чем делают покупки. Кризис мировой системы капитализма не обошел «город-рынок», напротив, больно ударил по нему. Пока что спад в торговле Голландия пытается компенсировать изобретательностью рекламы.

«Амстердам — город бриллиантов!» — уверяет реклама.

«Бриллиант — самый дорогой друг женщины!» — вторит ей другая.

«Не упускайте случай — покупайте бриллианты!» — торопит третья.

По облику уличной толпы мне показалось, что абсолютное большинство прекрасных голландок вынуждены обходиться «без самых дорогих друзей женщин». А также без многого другого, более необходимого, чем бриллианты.

Усиленно рекламируется «свободная ночная жизнь» Амстердама, это тоже торговля, купля-продажа «живого товара», и иной раз в газетах можно прочесть сообщения о преступлениях, совершенных под покровом ночи... Но городу некогда вчитываться, не хочется вдумываться — он торгует, моет стекла острокрышных домиков над каналами, накрывает столы бесчисленных своих ресторанов.

Обращает на себя внимание число харчевен, где подается прыная индонезийская еда, — веками растаскивая дорогие тропической Индонезии, заваливая голландские гавани дорожными «колониальными» товарами, колонизаторы обошли своим пренебрежением только один аспект «застойной» индонезийской культуры — изысканную восточную кухню.

Но сегодня Индонезия живет собственной жизнью, и богатства ее земли и моря уже не переполняют банковские сейфы Голландии... Да и о том, что именно колониальный грабеж стал некогда основой голландского процветания, нынче в Нидерландах говорить не принято...

Известен отработанный капитализмом метод манипуляции сознанием масс: «свободные» средства массовой информации многословно обсуждают, освещают, осведомляют, и ошеломленному потребителю всей этой «объективной» пропаганды начинает казаться, будто власть имущие только тем и озабочены, как бы решить трудности простого человека. Однако на деле ничего похожего не происходит, а средства массовой информации умело переключают внимание людей на очередную сенсационную проблему, и все повторяется снова...

Но сегодня и практика манипуляции сознанием переживает кризис, как бы подтверждая древнее восточное речение о том, что и самому умудренному из лжецов не дано удачно соврать трижды кряду. Люди все настойчивей задают вопросы и требуют ответов, а не демагогических уверток.

Сложность и серьезность проблем, стоящих перед человечеством и вызывающих неподдельную тревогу миллионов, нуждаются не в словесной шелухе для своего разрешения, а в разумных действиях.

Об этом говорил голландский ученый Р. В. Смит при открытии тридцатой Пагуошской конференции, в работе которой мне довелось принять участие. Доктор Р. В. Смит в качестве председателя этой конференции заявил, в частности, что «положение дел в мире сейчас в более опасном состоянии, чем, пожалуй, когда-либо с начала существования цивилизованного человеческого общества».

В международном форуме ученых приняли участие сто двадцать пять видных деятелей науки из сорока трех стран, в том числе из Советского Союза, США, Японии, Индии, Англии, Франции.

Наши заседания проходили на территории старинного замка, величественные башни которого казались неподвластными действию времени. В огромном дворцовом парке — каналы и пруд с лебедями, «прячущими от печали голову под крыло», симметрично проложенные прямые аллеи, аккуратно подстриженные кусты и деревья. Чисто вымытое нидерландское небо с аккуратными белыми облаками отличалось от горячих испанских небес, но этот замок не менее высокомерно вздымал свои башни, чем виденный мною ранее замок испанских королей. Я помню полумрак дворцовых залов, в которых

словно оживали лица на портретах, заключенных в массивные золоченые рамы. Лица с неизгладимыми отпечатками, оставляемым властолюбием и коварством, жестокостью и самоудовлетворением. Иные были отмечены явными признаками вырождения. Великие художники написали психологически точные портреты тех, кто правил миром в минувшие века. На миг мне почудилось, будто я вижу съезжившиеся души венценосных особ, прячущиеся в вычурных одеяниях.

Может быть, мне почудилось это потому, что многие лица на портретах знакомы нам по книгам, по истории, донесшей до нас память об их деяниях, дворцовых интригах, кровавых переворотах, династических браках, склоках из-за наследства, жесточайших расправах с соперниками. Это они вершили судьбы мира, не выходя из-за толстых дворцовых или же монастырских стен; это они принимали здесь решения — казнить или миловать, быть или не быть, свято веруя, что все зависит от их воли. А вокруг, как и теперь, красовались слащавые купидончики, посылающие друг другу бессмысленные улыбки.

И этому пришел конец. В 1917 году в руки народа перешел другой дворец — Зимний, и человечество вступило в новую эпоху, народы во многих странах сами стали вершителями своих судеб.

Народы мира скажут свое решающее слово и сейчас, когда они поставлены перед дилеммой — быть или не быть человечеству. Этот выбор сделает человечество, а не горстка «сильных мира сего», обезумевших от иллюзии своего всевластия и забывших, что река времени не течет вспять.

Я думал об этом, слушая выступление лауреата Нобелевской премии, лорда Ф. Ноэль-Бэйкера, который заявил:

— Я помню, в каких условиях началась первая мировая война и что она принесла человечеству. У большинства собравшихся здесь ученых на памяти ужасы второй мировой войны, но ядерный конфликт, который угрожает нашей планете, не сравнимый ни с одной из прежних войн, будет означать конец цивилизации. И именно поэтому мы, ученые разных стран и континентов, обязаны сделать все, чтобы способствовать разрядке, то есть прогрессу и гуманизму...

Большая часть заседаний Пагуошских конференций обыкновенно проходит за закрытыми дверями, но на сей раз было не так: даже на церемонии открытия участники конференции откровенно говорили об угрозе миру и всему живому, исходящей от Вашингтона.

Американский медик Мартин Кэплан подчеркнул опасность того, что общественное мнение народов пытаются исподволь приучить к мысли, будто «ядерная война может быть локализованной и ограниченной».

«Предостережения... об опасной иллюзорности доктрины контролируемого ограниченного ядерного конфликта... оказали, по-видимому, ограниченное воздействие на правительственные инстанции, решающие вопросы стратегической политики...»

...Четверть века назад Альберт Эйнштейн, Бертран Рассел, Жюлио Кюри и восемь других известнейших в мире ученых подписали Манифест об угрозе ядерной войны. 25-летию этого события было посвящено специальное пленарное заседание, на котором председательствовал английский профессор Джозеф Ротблат, специалист по радиационной биологии, один из авторов Манифеста.

«Ситуацию сделало крайне опасной, — сказал он, — изменение отношения к ядерной войне... Эксперты в области военной стратегии в течение ряда лет защищали доктрину гибкого реагирования, и теперь она стала официальной политикой Соединенных Штатов. Страны НАТО тоже базируют свою стратегию на концепции ограниченной ядерной войны, проводимой при использовании тактического ядерного оружия, миниатюризированных ядерных средств и нейтронных бомб, рассчитанных на то, чтобы свести к минимуму ущерб если не людям, то собственности. Но те военные специалисты, которые предусматривают ограниченную по масштабам и в географическом отношении войну, либо не способны, либо не желают считаться с ужасными последствиями в случае срыва их игры ва-банк... И все же общественность систематически обрабатывают, чтобы добиться принятия доктрины ограниченной ядерной войны».

Спокойная тональность дискуссий, как нечто приличествующее высокому собранию ученых, давно уже сделалась традицией Пагуошских встреч, как традиционен стиль «научной объективности» и «политической беспристрастности» для документов, принимаемых пагуошцами.

Тем громче прозвучало предостережение участников ХХХ пагуошской встречи:

«Никогда еще человечество не стояло перед столь серьезной опасностью. Мировая ядерная война означала бы конец цивилизации и могла бы привести к исчезновению рода человеческого... Под угрозой будет само сохранение человека как биологического вида. В этих условиях наш долг, как ученых, как представителей рода человеческого, ясен: мы должны бороться за сохранение жизни».

Участники Пагуошской встречи пришли к выводу, который они ясно изложили в своем Заявлении:

«Никакой альтернативы переговорам нет».

...А совсем рядом — нарядный, игрушечный голландский городок Брекелен, с опрятными домиками, ухоженными палисадниками, с тихой и мирной жизнью. И ужасающая по конкретности мысль — и этот городок тоже будет уничтожен? И тысячи тысяч разномастных людских поселений, разбросанных по голубой планете, — они тоже должны погибнуть?

Ни один мыслящий человек не мог не испытать тревоги, когда правительство США — позволю себе напомнить, что речь идет

о правительстве государства, подписавшего соглашение с Советским Союзом о предотвращении ядерной войны! — сформулировало так называемую «новую ядерную стратегию». Вначале американская администрация заговорила «о пересмотре политики выбора объектов для ядерных ударов по Советскому Союзу». Затем тогдашний министр обороны США Г. Браун уточнил, что Америке необходимо «усилить гибкость своих планов в целях как можно более полного использования возможностей наших сил... в крайне неопределенных и хаотичных условиях ядерной войны». И так далее, все в том же ключе, все в том же тоне.

Ученые, писатели, общественные деятели Востока и Запада, с которыми меня сводила судьба и на Пагуошской конференции, и на Всемирном парламенте народов за мир в Софии, и на разного рода литературных встречах и «круглых столах», подчеркивали, что, по сути дела, американское правительство развязало психологическую войну против всего человечества, пытаясь внушить ему мысль о возможности, а в общем-то и неизбежности термоядерной войны. Да, действия администрации США, безусловно, направлены против всего человечества, а не только против некоей «враждебной» его части.

Бывший директор американского Агентства по разоружению и контролю над вооружением П. Уорнке заявил со страниц «Нью-Йорк таймс», что, принимая на вооружение новую ядерную доктрину, Вашингтон лишь увеличивает смертельную опасность, нависшую над самими Соединенными Штатами.

И уж крайне любопытно признание самого Г. Брауна: министр тоже не верит в «ограниченность» применения ядерного оружия. Он сказал: «Мы знаем, что контролируемый ограниченный удар вполне может перерасти в мировую ядерную войну, по моему мнению, это весьма вероятно».

Газета «Нью-Йорк таймс» высказалась не менее определенно: «Концепция ограниченной ядерной войны, в которой в каком-то смысле можно победить, не просто сомнительна. Ее принятие может реально усилить риск ядерного самоуничтожения».

Позволю себе еще раз подчеркнуть страшную истину: самоуничтожения всепланетного.

Невзирая на зловещую суть ядерной концепции Вашингтона, некоторые круги на Западе все же были склонны предполагать, что она являлась частью предвыборной потасовки, маневром, пусть даже чрезвычайно опасным, но все-таки предназначенным Белым домом в основном для доказательства «твердости» Картера.

О Картере сейчас речи нет.

Оглядываясь на конец семидесятых, люди отчетливо видят, сколько вреда принесла политика сошедшей со сцены его администра-

ции. Каким недалновидным деятелем и ненадежным в международных отношениях партнером оказался он сам. Крепких выражений в его адрес сегодня не стесняются прежде всего те буржуазные наблюдатели, которые четыре года назад превозносили добродетели президента-демократа.

«Жалкое наследие». Иных слов не нашлось у маститого обозревателя Джозефа Крафта для оценки того, что оставил Дж. Картер стране после четырехлетнего пребывания в Белом доме. Это наследие, сокрушается он, «представляет собой жалкое собрание разбитых иллюзий, принесенных в жертву идеалов, полумер и неразрешенных проблем».

Поистине прискорбно, что с первых же публичных заявлений новой администрации США стало ясно, что республиканцы не исправляют, а множат ошибки, суммарно вошедшие в «жалкое наследие», ведут курс не на ослабление, а на усиление международной напряженности, навязывают миру новый этап гонки вооружений, беспрецедентный по своему размаху.

Реальный выход из этой сложной и опасной международной ситуации с предельной ясностью указан во внешнеполитической программе, выдвинутой на XXVI съезде КПСС. Наша страна в своей внешней политике исходит из настоятельной необходимости активных усилий всех государств в целях оздоровления международной обстановки и укрепления мира, из того очевидного факта, что достижению этих целей послужили бы позитивное развитие отношений между СССР и США, их конструктивное взаимодействие в решении актуальных международных проблем.

И чем скорее это уяснит себе нынешнее правительство США, тем полезнее это будет для всех народов мира, включая, естественно, американский.

В это трудное для человечества время большую роль в борьбе против ядерной угрозы могут — и обязаны — сыграть и те, кто по роду своих занятий хорошо представляет себе губительные последствия ядерного безумия и способен рассказать об этом другим. Я имею в виду прежде всего ученых, деятелей литературы и искусства, врачей.

Врачи из одиннадцати стран, участники первой международной конференции «Врачи мира за предотвращение ядерной войны», заявили в своем обращении:

«Ядерная война неизбежно явилась бы катастрофой с медицинскими последствиями неимоверных масштабов и продолжительности как для воюющих, так и невоюющих государств.

С самого начала в этой катастрофе погибли бы десятки и сотни миллионов людей, а большая часть оставшихся в живых — раненые и обожженные, подвергшиеся атомной радиации, будучи лишенными

эффективной медицинской помощи и даже пригодных к употреблению воды и пищи — останутся обреченными на медленное и мучительное умирание.

...Интересы нынешнего и всех грядущих поколений требуют, чтобы ядерная война была предотвращена. Веление нашего времени — сделать недопустимой саму мысль использования ядерного оружия в любой форме и любом масштабе...»

Участвуя в форумах демократических сил планеты, беседа с коллегами, в споре с оппонентами я часто обращался мыслью к нашему морскому путешествию, к столь ярким впечатлениям от древних и вечно юных приморских городов: гавани, залитые солнцем, строгая тишина музейных залов, гомон детских голосов на спортплощадках, парочки на вечерних бульварах. Не забылись разговоры с рыбаками, таксистами, газетчиками, случайные и мимолетные знакомства, которые обыкновенно выпадают на долю любознательного путешественника. На что рассчитывают американские стратеги, пытаются вовлечь в свои военные авантюры вот этих самых людей, поглощенных собственными проблемами, которые следовало бы решать сообща, всем вместе? Почему эти люди должны взвалить себе на плечи чудовищное бремя всевозрастающих расходов по НАТО? Почему, во имя чего должны они ценой лишений приближать ужас коллективного убийства? Потому что НАТО закроет их грудью от несуществующей «угрозы советского экспансионизма»?

Демократическая общественность стран Средиземноморья все активной выступает против военных приготовлений НАТО, стремится объединить усилия в борьбе за превращение Средиземного моря в море мира, добрососедства и сотрудничества. Эту цель ставила перед собой и Международная конференция против империалистических баз, за безопасность и сотрудничество, созданная на Мальте, и Международная конференция за ликвидацию иностранных военных баз в Средиземноморском бассейне, и многие другие представительные собрания.

Наш век уже показал, что одно только совершенствование технических средств эксплуатации морских богатств, без разумного пополнения биологических ресурсов, способно вызвать немалые беды. Как бережет человек леса и поля, так должен он беречь и «голубую ниву», а не только собирать на ней урожай.

Карл Маркс писал:

«Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой... Воздействуя... на внешнюю среду и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу».

Между тем провокационные истерические вопли о том, что «советская угроза» понуждает НАТО обратить Средиземное море в «закрытый бассейн», уже сегодня привели к результатам почти катастрофическим: базирование американских атомных кораблей в портах Средиземного моря является, по данным исследований, одной из основных причин его загрязнения.

Слишком много грязи накопилось на берегах Земли. И теперь ее потоки устремились в море, которое засоряется и отравляется продуктами рук человеческих.

Прискорбные последствия загрязнения Средиземноморья, побережье которого столь плотно заселено и так давно обжито, замедлили сказаться на общем нарушении экологического баланса этой части земного шара. Здесь оскудевают уловы рыбы, гибнут птицы, падает плодородие древних прекрасных земель. Невольно содрогаясь, сознавая, что это может быть лишь началом губительных изменений в природе.

Позволю себе сопоставить для сравнения миф о «советских агрессивных намерениях» с реальностью действий СССР. Именно Советский Союз, в полном соответствии с теорией и практикой марксистского подхода к жизни, впервые указал на непосредственную связь между проблемой сохранения окружающей среды и процессом разрядки международной напряженности. В 1980 году Советский Союз внес на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции, само название которой поистине знаменательно: «Об исторической ответственности государств за сохранение природы Земли для нынешнего и будущего поколений».

От того, сколь рачительно мы распорядимся запасами кладовой природы, будет зависеть не только решение таких огромных проблем, как обеспечение пищей быстро возрастающего населения нашей планеты, но и другое — каким будет завтрашний человек. Прискорбна мысль о том, что сегодня приходится вести бой за то, чтобы человечество не прекратило свое существование вообще.

Полагаю, что неоспоримое преимущество Советского Союза зиждется на историзме его позиции, а оборонная мощь выступает как обеспечение действенности этой позиции.

Жан Жорес сказал когда-то, что капитализм несет в себе войну, как туча — бурю. В противовес этому, мир есть органическая потребность социалистического общества, ибо он является предпосылкой достижения той цели, которая стоит перед социализмом как системой — максимальное удовлетворение материальных и духовных запросов человека. Не растрата энергетических, сырьевых, природных ресурсов, созидательных творческих сил человечества на бешеную

гонку вооружений, способную привести всех нас к гибели в ядерном пожаре, но бережное расходование и приумножение щедрот земли на благо человека — вот что вытекает из самой сущности социализма.

Мир, созидательный труд под чистым небом на свободной земле. Не эта ли мечта вдохновляла издревле и до наших дней художников, мыслителей, ученых Запада и Востока? Бесконечное разнообразие форм и очертаний, в которые выливалась эта мечта, и глубинное сходство их сущности...

Путешествие по берегам моря Средиземного, срединного, связующего, соединяющего эпохи и народы, посещение земель, где цивилизации и культуры Востока и Запада наслаивались, обогащали друг друга, смешивались, рождая новые культуры, влияния которых распространялись на далекие континенты и моря, а так они вливались в культуры других народов — все это будоражит мысль, зовет ее проследить прихотливые пути истории...

Я далек от желания идеализировать культурные связи прошлого. Увы, история войн не скуднее истории мирного развития народов. Легенды, летописи и хроники доносят до нас отзвуки давних сражений, пожаров и осад. Грустно размышлять о навсегда исчезнувших плодах человеческого труда и гения, о том, что было погублено слепой яростью, воинствующим невежеством или религиозным рвением. Римский легионер не пощадил чертежи Архимеда, но греческая наука завоевала Римскую империю. Арабские воины сожгли Александрийскую библиотеку, но арабы стали хранителями античного знания. Александр Македонский не сумел покорить Индию, но греческая культура, сочетавшись с индийской, дала миру прославленную гандхарскую школу ваяния.

Примеры можно множить, но человек XX столетия с ужасом и болью осознает, что сейчас нет речи об аналогиях с войнами прошлого, ибо впервые в истории мы боремся против возможности всеуничтожающей войны, после которой не осталось бы следов жизни.

Последние страницы этих записей завершались уже в Созополе, на исполненной красоты и легенд земле болгарского Черноморья. Сам здешний воздух, ритм местной жизни побуждают к раздумьям, воспоминаниям, к поискам скрытых связей между событиями, и, хотя справедливо замечал Гераклит, что «скрытая гармония сильнее явленной», страсть явить ее — сильнее нас. Всякий пользуется средством выражения, ему доступным, — палитрой ли, мелодией и танцем или словами на бумаге. Я жил с чувством радости от того, что дороги судьбы вновь привели меня на благословенный этот берег.

Вспоминался не без грусти морской путь, который был пройден в минувшие месяцы. И хотя неостановимый бег жизни, заполняя внимание все новыми событиями, теснит в глубь памяти вчерашний день, все же мысли постоянно возвращаются к изумительному этому путешествию и переживаниям, связанным с углублением в минувшую историю и обращением к современности.

То были встречи с культурами, традициями и национальным темпераментом приморских стран и народов Востока и Запада, представшими не столько в разнообразии форм, сколько в единстве общечеловеческой сути. Встречи и знакомства с людьми разных взглядов и суждений, но единых в помыслах о необходимости мира для дальнейшего существования Третьей планеты.

Мысли об этом приходили и во время плавания на теплоходе «Белоруссия» и вновь возникали в сознании в милом Созополе.

Как некий символ всечеловеческой тоски по обыкновенному человеческому счастью, снова и снова воскресали в памяти печальные черты темноволосой молодой женщины, горькая складка губ ее седеющего спутника — непрочитанная мной повесть о любви, которая отбросила свой отблеск на все морское путешествие... Я сожалел, что я не художник...

Невозможно не видеть объективного хода исторического развития: происходит все большая интернационализация культур, и взаимное их влияние друг на друга, которому способствует и НТР, на наших глазах рождает общемировую культуру, сохраняющую национальные формы, из которых она складывается. Нелепыми представляются всякие искусственные старания воспрепятствовать этому развитию, естественному общению культур и людей. Проявляется ли это в бойкоте Олимпийских игр, в разного рода эмбарго или отказе советским судам заходить в американские порты. Абсурдны старания разорвать связи, остановить обмен и людские коммуникации, которые вызваны к действию самой жизнью и отвечают духу нашего времени. Субъективные амбиции администраций, в том числе президентских, мягко говоря, далеко не всегда соотносятся с интересами народов. Они скорее идут вразрез с их волею и чаяниями.

Длинный день моего одиночества у письменного стола в старинном созопольском доме, перед окнами которого распаивается безбрежная панорама морской гавани, закончился встречей с давним моим другом — живописцем Яни Хрисопулосом. Мы не виделись целый год.

Безветренный знойный день клонился к вечеру. Деревья стояли неподвижно, не шевелился ни единый лист, как на живописном полотне.

Я вновь стоял у входа в студию удивительного этого человека и художника, олицетворяющего собой увлекательный мир маринистики. Яни Хрисопулоса я застал в привычной для него позе — прямая спина, не сгорбленная старостью, отрешенный от суетности взгляд, устремленный на мольберт. Казалось, он застыл, весь сосредоточился на картине. Почувствовав мое появление, он повернулся ко мне, но не узнал, как это бывало прежде. Он совсем не видел... Лишь услышав мой голос, художник приблизился ко мне и заключил меня в долгие объятия. То был трепетный миг, осененный восторгом и печалью.

Да, живописец слеп. Но есть зрение сердца.

Когда негритянского музыканта Рея Чарльза спросили: как удается ему, лишенному зрения, познать и выразить многокрасочность мира, он ответил, что не собственная слепота мешает ему, а другое: на свете столько зрячих, которые ничего не видят и не могут понять смысл увиденного мной, слепым, и выраженного в мелодиях...

И все же Рей Чарльз — музыкант, а Яни Хрисопулос — художник, и его инструмент познания мира — глаза!

Мастерская художника завешана, заставлена его картинами, показывающими нескончаемое разнообразие аспектов, в которых поэт болгарской природы запечатлел ее красоту.

Яни Хрисопулос доверяется запасу жизненных впечатлений, художническому опыту, которым его обогатила долгая жизнь, насыщенная непрестанным трудом, поиском и общением с живой природой.

— Удивительно устроен человек, — говорит Хрисопулос, — огорчается, теряя богатство, но равнодушен к тому, что безвозвратно уходят дни его жизни.

Древние эллины полагали, что семьдесят лет есть разумный предел человеческой жизни, и делили они ее на десять отрезков. Считалось, что до тридцати лет человек достигает полноты физических сил, затем следует ему вступить в брак и оставить потомство, к сорока расцветут его умственные возможности, и последующие десять лет — пора наивысшего подъема, а уж потом наступит время угасания...

Быть может, это верно статистически. Но Яни не оставляет мольберт, и в его картинах — неукротимое биение морских волн, огни рыбацких шхун в ночи, взвихренность валов студеного моря, неумные голоса чаек над скалами. Эмоциональный строй полотен — остросовременен, даже когда художник обращается к первозданной природе, подчеркивая ее вечную девственность.

— Человеческая жизнь и силы человека ограничены, даже у моря есть прибрежные скалы. Вы столько дали миру, что вам могут многие позавидовать. Вы давно заслужили покой! — вырвалось у меня во время одной из наших бесед.

— Неужто вы действительно верите, что можно отложить в сторону палитру и кисть, остановиться, прервать себя, укротить свою душу, отказаться от любви, прошедшей через всю жизнь? Разве это не означало бы конца и моей художнической страсти и моего физического существования? — взволновался Хрисопулос.

Как океанский корабль вздымает большую волну, на которой покачиваются баркасы и лодки, так и душа художника приводит в движение человеческие чувства. Но проходит корабль, и унимается волна, а искусство продолжает воздействовать на поколение за поколением, излучая творческую энергию, заложенную при создании произведения.

Говорят, нужно быть жестоким к себе, чтобы не были жестоки к тебе другие.

Помимо таланта, врожденного дара, есть еще трудолюбие — жестокий, непрерывный, изнурительный труд, одно из неизменных измерений достоинств человека и творца художественных ценностей. Многолетний, повседневный труд без поблажек — в нем высокое мужество человека и высокая его простота. Такого человека ничто не может сломить...

И возникают на полотнах образы ясные, простые и точные. Кажется, что только такими они и могут быть. Будто хлеб, солнце, вода...

— Жизнь не ради разрушения, чем грозит наш век, не ради ухода в небытие. Жизнь для радости и созидательного труда, для счастья своего и других,— продолжает звучать во мне голос Яни Хрисопулоса.

Вновь останавливаюсь у одного из любимых полотен Яни Хрисопулоса, занимающего центральное место в его студии. Бушующее море под взбешенными штормовыми тучами. Так и ощущаешь яростный напор ветра и удары ливневых потоков. Яни рассказал, что написал эту картину после страшной бури, в которую попал сам.

В поздний час я вернулся в свой дом на улице под названием «Морские скалы». Над Созополем опустились густые облака. Погода резко изменилась, как это часто здесь случается. За окном бушевал сырой штормовой ветер. Он туго гудел в кронах смоковниц, темные шатры которых достигали черепичной кровли дома.

Не думал, что у этого дня, еще одного дня от восхода до заката солнца, будет такой финал, радость общения с искусством и природой... Не потому ли так хотелось прильнуть к плодоносящему инжирному дереву, к земле, которая вырастила его, к вечным скалам, омываемым морем?

Ночью разразился шторм. Море превратилось в водяные бугры, которые ходили взад и вперед, темно-синие и бурые около песчаного берега и черные в глубинной дали. Море билось, кипело, металось и неутешно стонало. Огромные волны беспрестанно хлестали в берег, взбегая на него и снова откатываясь с шипением.

И перед моими глазами вновь предстали полотна Хрисопулоса, неотделимые от природы Созопола. Они — живые ее куски. От них словно исходят звуки моря, его неутрачивающая песня. И кажутся осязаемыми на полотнах Хрисопулоса влага и сырость мокрых скал и валунов, которые вижу я у причала перед моим жилищем.

А на следующее утро... раскинувшаяся вокруг вода казалась гладкой, светлой и неподвижной. Листопад... поздняя осень, осень года и человеческой жизни...

Созопольское побережье прекрасно во все времена года. Древние фракийцы и поселившиеся здесь позднее милетские колонисты сумели по достоинству оценить благодатный климат этого края, выбрать эту землю для счастливого своего поселения.

Старый рыбацкий поселок, прижатый к морю, со своими скрипучими причалами и неутешно рыдающими чайками. Небольшая моторная шхуна. Бывалые мореходы, опытные созопольские рыбаки... Капитан нашего судна Никола Георгиев Червенков вместе со своим помощником Димитром Николовым Хрусоновым, не мешкая, скомандовал рыбакам отдать концы и стать на вахту. Здесь рыбачили деды и прадеды этих сильных и смелых людей. Море и кормило людей и взимало с них страшную дань. Шли века, совершенствовались суда и снасти, все меньше людских жизней получала пучина, и словно за это все менее охотно давала она человеку от щедрот своих.

Человек — часть природы и венец ее творения — постепенно приходил к пониманию того, что не может он только противоборствовать стихии моря, но должен и защищать и кормить море, некогда породившее саму жизнь.

...В тот день море благоволило рыбакам. Мы возвращались с щедрым и разнообразным уловом. Пелагида, луфарь, ставрида не часто попадают вместе в созопольском заливе, говорили мне рыбаки и скромно объясняли добрый улов просто рыбацким везением.

Помнится, на обратном пути мы разговорились о проблемах морских, о способах поддержания изобилия в море. Я рассказывал рыбакам, и старым и новым друзьям моим, о том, как в нашей стране серьезно изучаются разные способы поддержания «голубой нивы». О том, что для воспроизводства и акклиматизации рыб создаются инкубационные аппараты, бассейны и системы для подращивания молоди, различная техника для доставки и раздачи гранулированных

кормов в рыбоводных хозяйствах, для транспортировки «живого серебра» на большие расстояния. Достаточно сказать, что только на Дальнем Востоке действуют двадцать три предприятия, ежегодно отправляющие на вольный выпас в море до девятисот миллионов штук молоди. На Кольском полуострове размножают семгу и горбушу. В Южном Приморье в начале семидесятых годов созданы первые в СССР морские фермы и плантации по разведению гребешка, гигантской устрицы, водоросли — ламинарии. Сбор морской капусты на отдельных участках достигает здесь рекордной цифры — до десяти килограммов с квадратного метра площади.

На обратном пути сопровождавшие нас руководители созополских коммунистов — Маринов и Бойчев, а также глава местных рыбаков Карабаджаков, которые оказались поклонниками искусства Яни Хрисопулоса, предложили пойти вдоль созополского полуострова, чтобы полюбоваться со стороны моря панорамой города, отраженной на многочисленных полотнах художника. И мне подумалось, что здесь-то и наступал мой час — сейчас я сумею увидеть гавань такой, как она представляла перед милетскими переселенцами в давние-давние времена.

Глубоким покоем повеяло на нас от пейзажей старинного Созопола, который возник перед нами в гладком зеркале морской воды, омывающей оголенные темно-серые скалы. И радостью узнавания — Хрисопулос запечатлел едва ли не все виды родного своего города, изогнутых его улиц, узких переулков, кварталов, домов. Не осталось, кажется, ни единого уголка каменистого полуострова, который оказался бы вне поля зрения живописца.

— Искусство Яни Хрисопулоса — это труд не только мариниста, но и подлинного патриота. Его картины полны поэзии Созопола, болгарского Черноморья, — сказал капитан нашей шхуны.

— Хрисопулос — живописец из народа. Силой своего таланта он завоевал себе прочное место в мире реалистического искусства Болгарии, — добавил один из рыбаков.

— Картины Яни Хрисопулоса, — рассказывал Маринов, руководитель местных коммунистов, — можно встретить здесь в каждом доме. Некоторые семьи составили прямо-таки коллекции его полотен. Мы любим картины Хрисопулоса, потому что он нарисовал нас самих, наш город, нашу землю и море. И еще потому, конечно, что созданы эти картины талантливым нашим земляком.

Слушая слова моих спутников о художнике и его искусстве, я вспоминал экспозицию, которую видел в одном из крупнейших голландских музеев неподалеку от Амстердама. Она именовалась выставкой современного искусства. Выдалась на редкость хорошая погода. Солнечный свет над небольшими городками, встречавшимися на пути, поистине казался небесной благодатью. Низкие облака и скользящие лучи создавали неповторимую освещенность, столь

характерную для голландской живописи... Все располагало к предстоящему зрелищу. Я надеялся встретиться с произведениями, отражающими искания в творчестве, проблемы человека, современника и его духовно-этических ценностей. Хотелось увидеть жизнь через искусство — трудную, полную нравственных борений и моральных конфликтов с собой, с другими, с тенденциями потребительства в западном обществе, утверждающем нравственное уродство, господство денег и бездуховности...

И что же? Меня ждало горькое разочарование, одна из мрачных шуток жизни. Вместо картин предо мной предстали такие произведения искусства, как гора мешков, набитых чем-то и сваленных в углу пустой комнаты; простые серые камни в ящиках, поставленных рядком, как на строительной площадке; доски и брусья, сложенные, как на складе. В соседнем зале вообще не было экспонатов, если не считать красного шнура, протянутого от стены к стене и в центр зала из угла.

— Как вам понравилась выставка модернистского искусства в нашем музее? — спросила меня дама неопределенного возраста и столь же неопределенной внешности.

— Как? Я еще не утратил способности удивляться, — непроизвольно вырвалось у меня.

— Но ведь это современная концепция бытия и личности, — заспорила дама.

— А может быть, это концепция подготовки помещения для ремонта?

— Вы извращенно мыслите! — вспыхнула собеседница.

— В чем несомненна заслуга претендентов на роль властителей умов... Уж больно они износились, духом износились... Но выставку необходимо было посмотреть, чтобы полнее оценить контраст прекрасного и безобразного, подлинной живописи и авангардистского уродства, — ответил я возмущенной даме.

— Вы, кажется, страдаете неизлечимой ностальгией по старозаветному искусству, — не унималась спорщица.

— Разное, видно, у нас понимание и отношение к высоким идеалам, к духовной и нравственной чистоте.

— Но эта выставка — подлинная сенсация! — воскликнула дама.

— Духовная возвышенность, увы, явление крайне редкое в современных произведениях западных художников. Относительно же сенсации — все знают, как интерпретируется термин «сенсация» в западном мире: если собака укусила человека — это не информация, сенсация — если человек укусит собаку...

Широко распространенное сейчас на Западе стремление — практически любой эксперимент, вне зависимости от результата, обязательно выдать за творческое развитие, за новацию, представить в виде плодотворного способа обогащения искусства. Во всем этом

обнаруживается попытка оправдать дегуманизацию искусства, утвердить культ необузданной вседозволенности, духовной опустошенности, насилия, ужасов и абсурда.

К величайшему огорчению, вульгаризация и бездарность иногда бывают победительнее ума и здравого смысла. Они нередко одерживают верх над достоинством и честью. Еще в циньскую эпоху искусствовед Шэн Цзэчжоу утверждал, что в живописи вульгарность бывает пяти видов: вульгарный дух, вульгарный ритм, вульгарная кисть, вульгарный замысел, вульгарный человек.

Балки, опоры, деформированные фермы, кирпичная кладка, доски разорванной материи... Что это? Искусство авангарда. Груда камней и битого кирпича — искусство?

В произведениях искусства, как и в творениях живой природы, рядом с красотой, близ прекрасного может быть несовершенство, какой-то изъян, ее подчеркивающий, усиливающий. Но что же это за картина, если не знаешь, как ее вешать?

Это, конечно, не обобщение, не обзор выставочных залов мира. Это — всего лишь один из залов, но, может быть, характерный, похожий на многие другие авангардистские экспозиции в странах Запада.

Авангардистское искусство стало частью официальной системы в западных странах. Оно признается там как высокая культура. Ему оказывается помощь и поддержка властей. Но авангард зашел в тупик, доказывая раз за разом, что создает «искусство ради искусства».

Так называемое искусство авангарда — это, помимо прочего, тактические ухищрения, которыми предприимчивые дельцы пользуются, чтобы навязать что-либо людям под видом оригинальности и модных веяний. Это не может не приводить — и приводит — к опустошенности, бездуховности, утрате нравственной и эстетической взыскательности. Многое здесь обуславливается частнособственнической психологией, порождающей страсть накопительства и стяжательства. Благодаря деньгам, на которые приобретает все «оригинальное» и «сенсационное», поборники западного образа жизни пытаются замаскировать потребительскую сущность самой системы, человеческую отчужденность, дегуманизованную мораль, самодвольный прагматизм обывателей.

...День в свой час склонился к закату. На фоне уходящего за горизонт солнца панорама кажется прозрачной, особенно прекрасны маяющие вдаль морские суда, отходящие от берега и идущие в открытые воды. Мелкая рябь волн словно устремляется к туманным далям гор. Прохладный ветер треплет паруса плывущих рядом яхт. Скоро запламенеют светильники, появятся огни на море...

И мне внезапно пришли на память огни Ропотамо... Стояла тихая осень с теплыми ночами, с сероватым утренним туманом, неутешным плеском моря и прерывистыми криками чаек. Мы проплыли на лодке по реке Ропотамо. Был знойный вечер. Вокруг царила тишина ровной как зеркало реки, будто погрузившейся в сон в низких своих берегах, над которыми склонились и стоят неподвижно густые заросли. Это был час, когда природа будто готовилась ко сну: утихает волнение, замирают звуки, угасает свет. И человек словно ощущает в себе новую жизнь, делается частью природы и, вспоминая об этом сознательно, оценивает все очарование, всю поэтическую прелесть мгновения.

Ночью внезапно разразился сильнейший шторм. Временами казалось, что старый мой фракийский дом, оторвавшись от скального грунта, попал во власть морской стихии.

А наутро тусклый, будто дремлющий, солнечный свет стоял в моей комнате, подчеркивая покой и тишину у достославных берегов Созопола.

В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

В 1982 г. ВЫШЛИ
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

1. Н. ДОРИЗО. Строфы.
2. С. БАБАЕВСКИЙ. Последняя. *Повесть*.
3. Л. ОШАНИН. Из лирики разных лет. *Стихи*.
4. Г. КОВАЛЕНКО. Поезд идет на целину. *Повесть*.
5. В. ПОЛТОРАЦКИЙ. На быстрине. *Стихи*.
6. А. МОСКАЛЕНКО. Мир Кристины и мир Ингрид.
7. Б. УКАЧИН. До смерти еще далеко. *Повесть*.
8. Д. ЕВДОКИМОВ. Семейный альбом. *Повесть*.
9. И. МАШБАШ. Цвет ветра. *Стихи*. (Пер. с адыгейского).
10. А. ГУБЕНЬЯ. Вызов брошен. *Повесть*. (Пер. с английского).
11. В. СИДОРОВ. Ключ.
12. В. ГАНИЧЕВ. Во имя потомков.
13. Н. ХИКМЕТ. Я совершил путешествие. *Стихи*.
14. С. ВЛАСОВ. «И невозможное возможно...». *Очерк*.
15. М. ЧИСЛОВ. Поэма набирает высоту. *Статьи*.
16. Б. ПОЛЕВОЙ. С удостоверением «Правды».
17. Ю. ГРИБОВ. Сельский двор. *Очерк и новеллы*.
18. И. БОЧАРОВ, Ю. ГЛУШАКОВА. Венецианская пушкиниана.
19. В. ХОХЛОВ. Начало дня. *Очерк*.
20. С. САРТАКОВ. Лист Мебиуса. *Рассказы*.
21. Н. ИВАНОВА. Три встречи. *Очерки*.
22. БОЛЬШОЙ ИВАН. Книга об И. И. Анисимове.
23. Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. Мои года. *Стихи*.
24. В. ВИКТОРОВ. Олимпиады, олимпиады!..
25. Е. ДУБРОВИН. Ну доживи до понедельника. *Рассказы*.
26. Г. АББАСЗАДЕ. Хрустальная чернильница и синие «Жигули». *Рассказы*. (Пер. с азербайджанского.)

27. Н. БЫКОВ. Это произошло в Талсах. *Очерки.*
28. А. РОМАНОВ. Как это было в старину. *Рассказы.*
29. С. ШАВЛЫ. Родные просторы. *Стихи и поэмы. (Пер. с чувашского.)*
30. Ю. ПОПОВ. По городам и странам. *Очерки.*
31. Ф. ЧУЕВ. Гроздь муската голубая. *Стихи.*
32. О. НЕМИРОВСКАЯ. Боттичеллиев контур. *Очерки.*
33. Л. ТАТЬЯНИЧЕВА. Материнская гордость. *Стихи.*
34. С. БАРУЗДИН. Елизавета Павловна. *Повесть.*
35. Г. БЕРЕГОВОЙ. О времени и о себе.
36. ПИКНИК. *Рассказы индийских писателей.*
37. И. АЛЬБИРТ. Искры. *Стихи.*
38. В. БОЛЬШАКОВ. Пружины «Польского эксперимента».
39. А. ГОЛИКОВ. На крыльях Аэрофлота. *Очерки.*
40. Л. КОРНЕЕВ. Курсом агрессии и расизма.
41. Е. ПЕРМЯК. Замок без ключа.
42. П. ПРОСКУРИН. Черные птицы. *Повесть.*
43. С. СЕВЕРНЯК. Апрельская рапсодия. *Рассказы и очерки.*
44. Ю. ЯКОВЛЕВ. Игра в красавицу. *Рассказы.*
45. Ю. ФЕДОРОВ. Сто шагов на брата. *Повесть.*
46. Р. КОРН. Воспоминания.
47. В. ГОРБАЧЕВ. Временем назначена цель. *Статьи.*
48. Н. ПРОЖОГИН. Встречи с Ренато Гуттузо.
49. М. КОРЮН. Теван — лежебока. *Сказки.*
50. А. ТОКОМБАЕВ. Вижу молодость мою. *Стихи. (Пер. с киргизского.)*
51. Ф. РАСПОРКИН. Еремей. *Повесть.*
52. Н. ДУМБАДЗЕ. Хазарула. *Рассказы. (Пер. с грузинского.)*

Николай Трофимович ФЕДОРЕНКО

МОРСКИЕ ЗАПИСИ

Редактор Д. К. Иванов

Технический редактор О. Н. Ласточкина

**Сдано в набор 31.08.83. Подписано к печати 28.10.83.
А 13397. Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарни-
тура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80.
Учетно-изд. л. 4,14. Тираж 100 000 экз. Изд. № 2703.
Зак. № 1397. Цена 25 коп.**

**Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типо-
графия газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865,
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.**

ЛОТЕРЕЯ «СПОРТЛОТО»

● Свыше 200 спортивных сооружений построены и реконструированы с участием средств, вырученных от продажи билетов спортивно-числовой лотереи «Спортлото». Сотни тысяч человек получили возможность систематически заниматься физкультурой и спортом, укреплять свое здоровье в немалой степени благодаря помощи спортивной лотереи.

● Тиражи лотереи «Спортлото» проводятся по субботам. В них разыгрываются денежные суммы от трех до 10 000 рублей. Каждый билет играет двумя вариантами (комбинациями) номеров и является выигравшим, если с результатами тиража совпадут не менее трех номеров в одном из вариантов.

● Все билеты бестиражные. Их можно заполнить на любой тираж года и даже на несколько тиражей вперед.

ЖЕЛАЕМ УДАЧИ!

**Главное управление спортивных лотерей
Спорткомитета СССР**